

**ЦЕНТР ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
«СОЦИУМ»
СБОРНИК НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ**

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«XXVII МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПОСВЯЩЕННАЯ
ПРОБЛЕМАМ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК»
(27.12.2014 г.)**

г. Москва – 2014

© Центр гуманитарных исследований «Социум»

УДК 320
ББК 60
ISSN: 0869-1284

Сборник публикаций Центра гуманитарных исследований «Социум»: «XXVII международная конференция посвященная проблемам общественных наук»: сборник со статьями (уровень стандарта, академический уровень). – М. : Центр гуманитарных исследований «Социум», 2014. – 64с.
ISSN: 6827-1284

Тираж – 300 шт.

УДК 320
ББК 60
ISSN: 0869-1284

Издательство не несет ответственности за материалы, опубликованные в сборнике. Все материалы поданы в авторской редакции и отображают персональную позицию участника конференции.

СОДЕРЖАНИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Волкович Н.С. СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ ТРАДИЦИОННОЙ СЕМЬИ ЧУВАШЕЙ	5
Пилипцов И.Н. ПОХОРОНЫ СТАЛИНА В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ(НА МАТЕРИАЛАХ САЙТА ORALHISTORY.RU)	9
Сьянова О.А. ГИМНАСТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО «СОКОЛ» В Г. АСТРАХАНИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: КРАТКИЙ ЭКСКУРС ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «АСТРАХАНСКИЙ ЛИСТОК»	12
Тютина О.С., МИРОВОЗРЕНЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ САВЯНСКОГО ЯЗЫЧЕСТВА В РАБОТАХ НЕОЯЗЫЧЕСКОГО ИДЕОЛОГА А.А. ДОБРООЛЬСКОГО.	14
КУЛЬТУРОЛОГИЯ, РЕЛИГИЕВЕДЕНИЕ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ	
Кокуашвили Н. Б., ТРАНСЛЯЦИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС	17
Муртузалиев С.И., ГОРЫ И ГОРЦЫ В ОРИГИНАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ МИРОПОНИМАНИЯ Г.Д. ГАЧЕВА	19
ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Единова М.С. ЭФФЕКТИВНОСТЬ СЕТЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЭТНИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ В МЕГАПОЛИСАХ	24
Парфенова Ю.В. МНОГОУРОВНЕВЫЙ ПАРЛАМЕНТАРИЗМ В ЕВРОПЕ: МЕСТО НАЦИОНАЛЬНЫХ ПАРЛАМЕНТОВ	27
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Баранова С. С., Ковтун А. С., ОРГАНИЗАЦИОННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ОБЩЕСТВЕННОМ ДВИЖЕНИИ ФУТБОЛЬНЫХ ФАНАТОВ: КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ.	30
Мартиросян С. А., Овруцкая Г. К. КОНФЛИКТНЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ БРЕНДА ГОРОДА	33
Черкасова М.С. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛУЖБЫ ЗАНЯТОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ.....	37

ФИЛОЛОГИЯ

Джененко О.В.

ИНТЕГРАЦИЯ ОПИСАТЕЛЬНО-ДИСКУРСИВНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА «ЧУДАК» И «СНОБ»	40
--	----

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Лобазова О.Ф.

МИФОЛОГИЧНОСТЬ И ПРАКТИЦИЗМ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ: ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ.....	44
---	----

Лобастова В.А.

СОЗНАНИЕ В ЕДИНСТВЕ СТАТИКИ И ДИНАМИКИ	48
--	----

Мустаева А. С.

АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕТОДА ЭКСПЕРИМЕНТА В ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ	51
---	----

Прозерский В.В.

ПЕРЕОСМЫСЛИВАЯ ЭСТЕТИКУ ЗАНОВО	55
--------------------------------------	----

Сидорова Д. А.,

Знаковое и символическое в гостеприимстве	57
---	----

Федотова М.Г.

О НЕКОТОРЫХ СУЩЕСТВЕННЫХ ЧЕРТАХ ПРОЕКТА ПОСТТРАНЗИТИВНОГО ОБЩЕСТВА	61
---	----

СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ ТРАДИЦИОННОЙ СЕМЬИ ЧУВАШЕЙ

На наш взгляд, традиционная чувашская семья абсолютно интегрирована в общий вектор общероссийского института семьи. Уклад жизни в допетровский период можно охарактеризовать так: «Это было начало или стихия родительской опеки, стихия старшей воли, идеалом которой было родовое старшинство» [5, с. 35-36]. Наше общество сложилось путем непосредственного распространения рода, путем непосредственного нарождения, а это значит, что: 1) Высшей ценностью жизни традиционного русского и в том числе чувашского общества была «семья – род»; 2) Устройство семьи, функции в ней, регламент отношений в семье являлись определяющими в жизни человека.

«Вообще память о родоначальниках у них сохраняется хорошо и каждый из чувашей, знает как общего им всем, так и своего по поколению родоначальника, которого имя сохраняет навсегда та деревня и то место, где поселился впервые родоначальник этого поколения» [9, с. 46].

Основа брака у чувашей – это дети, т.е. род (продолжение рода). Институт семьи (*кил-йыш*), основной в воспитании детей, неразрывно связан с институтом общественным, на селе – общинным (*ял-йыш*) [7, с. 184]. Подавляющее большинство песен, пословиц чувашей написаны от «мы», что абсолютно наглядно говорит о высокой общинности традиционной чувашской культуры.

В традиционном обществе у женщины не было своего самостоятельного места. Самостоятельное место она имела только в семье. Но и здесь смысл ее самостоятельности колебался между отцом семьи, ее мужем, и ее же детьми, так что пред лицом отца семьи, своего мужа, она была такой же зависимой, малолетней в своих правах, как и все его дети [5, с. 177].

Общее описание традиционной семьи у чувашей: «Жена, хозяйка дома имеет свое слово и мнение, которая с рождением детей, в особенности сына, приобретают тем большее значение. До рождения этого сына чувашенин зовет свою жену по имени или просто жена, но с рождением его, она получает свой титул: мать Василия, или вообще первенца» [9, с. 70]. «В доме распоряжается сам хозяин, но и жена играет весьма важную роль как матка-царица в пчелином улье. Если муж пьяница, то управляет домом жена» [1, с. 230]. Семейный кошелек непременно у жены [12, с. 560]. Женщины у чувашей до такой степени общительны, доступны ко всякому делу, так что всякий обряд, праздник или увеселение не может обходиться без них. Перед глазами членов семьи муки и страдания матери, родившей и вскормившей ребенка. Такое олицетворение существа матери нашло отражение в верованиях чувашей, где можно встретить множество матерей всех возможных божеств [9, с. 70].

Женский ум почитался за благо: «Хорошо, кабы капуста, растущая в огородах, уродилась с крупными вилками. Хорошо, если бы хорошенькая сноха (имя) оказалась такую же умною, как ее отец и мать» [1, с. 57].

Имение детей считалось благословением Божиим, а отсутствие – кара. «Вообще все чувашки любят семейную жизнь, а потому у них считается величайшим несчастьем, наказанием Божиим неимение детей» [10, с. 331].

В Старый Новый год дети бегают по улице ночью и кричат: «Пусть у вас будет целая скамейка детей, целый пол ягнят и один конец в воде, а другой – в прясле» [13, с. 35].

Рождение мальчика было наиболее желательным: «Если у беременной живот острый – родится мальчик, а если плоский, то – девочка» [14, с. 107].

«Роженица до родов не отличается от прочих женщин семьи, выполняют прежние функции. Появление на свет ребенка считается благословением Божиим, особенно когда родится сын, так как он дает возможность получить при разделе земли положенную часть» [10, с. 139].

«В старину у одного человека жена задумала родить ребенка, говорят. Жена со скамейки на скамейку скачет, не найдя нигде облегчения, и легла на пол. Охает. Видя, как жена горюет, и муж решил погоревать. Он побежал во двор и зацепил веревку за крючок. Схватился за веревку, начал охать и ахать. Шла по улице прохожая, вбежала и увидела охающего мужика. Она спрашивает: “Ты что делаешь?” Мужик: “Жена ребенка рождает – а я захотел ей помочь”» [14, с. 93-94]. Такие действия мужа попадают под обряд *кувада*, т.е. обрядовую имитацию родов мужем роженицы. Подобные обычаи существовали и у славян: «Родовые боли в прикамских традициях назывались “бабьей мукой” и воспринимались как болезнь. Наиболее распространенным способом облегчения болей была передача “бабьей муки” на мужа» [11, с. 183]. Если роды проходили в избе, роженица передавала «бабью муку» мужу, когда сама стояла, а он пролезал у нее между ног. Отец, в отличие от роженицы, чистый в ритуальном смысле и более сильный, как бы занимал её место и охранял ребёнка и дом от нашествия злых сил. В таком контексте мужчина выступает как сопереживающий и сочувствующий. В системе поведенческих правил жесткого патриархата такие действия тяжело представить.

Яркая деталь чувашской семейной традиции – это существенная разница в возрасте мужа и жены. Девушки выходили замуж очень поздно – около 30 лет. Это для того, чтобы получить в дом более работоспособную и крепкую жену, хотя это еще связано с высокой ценой подарка жениху, как правило, в виде скота, и тем, что отец пытался как можно дольше не отпускать «бесплатные руки» из семьи. В связи с такими традициями бывали и курьезы: «В 14 лет женили парня, жене 30-ть лет. Жена мужа для близости выносит на руках. Молодой муж боится жены и жалуется родителям, что жена его все время в клетку выносит» [12, с. 560].

Бесплодие считается несчастьем, которое есть кара за грехи жены или мужа, особенности за не сохранение девственности до брака.

Развод мог быть только в одном случае – если нет детей, но были случаи, когда муж выгонял ленивую жену, «не заботясь нисколько о ея существованіи» [9, с. 117], т.к. жена у чувашей ценится по ее работе.

«[Записывающий удивляется, что жены не уходят от мужей, разводы очень редки, не уходят даже от больных]. У наших чуваш в таких случаях не бывает никаких формальностей и церемоний. Потому что разводы у них не позволяют и происходят как зло. Бывают случаи, когда муж и жена живут очень скверно, муж то и дело обижает жену или один из супругов очень плохой, но не разводятся. Это потому, что развод не одобряется чувашским этикетом и понимается как нечто безнравственное» [10, с. 69].

Чувашские жены хорошо понимали значение наказания: «У старого человека нагайка из льна, по нагайке течет масло, пусть течет масло – душа не тянет. У молодого человека ременная нагайка, по нагайке течет кровь, пусть течет кровь – зато душа тянет» [15, с. 205], т.е. молодой муж может хлестать жену – она (жена) и он (муж) важны для друг друга и наказуемая жена простит мужа. А старый муж ласкает жену, но «душа» у ней (жены) уже не лежит к нему.

«Зачемъ это нагайка, свитая изъ двѣнадцати ремней, свита такъ, что должна развиться? Мы роднились порознь, а выросли вмѣстѣ, - зачѣмъ же мы родились для разлуки?» [1, с. 20]. Символика нагайки представлена мужчиной, а значит он имел легитимное право применения наказания – ведь он сам есть нагайка.

У низовых чувашей в свадебном обряде жених по приезде в дом родителей невесты должен был сидеть только на подушке вышитой узором *кѣскѣ* - семантика данной вышивки – это плодовитость будущей жены. Жених каждый раз, прежде чем садится на подушку ударял по ней три раза нагайкой [4, с. 28]. Мужчина очищает этим наказанием невесту (которая здесь обозначена подушкой вышитой *кѣскѣ*). «Не ударяет ли жених молодую кнотом на свадьбе и какие слова произносит при этом? И что означают те слова и зачем произносят такие слова? [Ответ:] Ударяет в знак неизменной любви, что именно принадлежит она мне, произнесут слова такие: «Избави от всякого зла»» [10, с. 70].

В славянской традиции были возможны побои, наказания еще только выбранной девушки ее парнем в процессе ухаживаний – по мнению этнографом это было позволительно, т.к. парень считал себя неким «распорядителем поступков» девушки [6, с. 9]. Вероятно наказание/ насилие замыкает логический цикл: отдача девственности девушки, как *передача себя в собственность семьи*, наказание как *право на территории семьи*.

В источниках о древнем Китае (многоженство): наказание жены в основном носило «политическую» функцию, т.е. стремилось показывать одинаковую степень дистанции от всех обитательниц женской половины дома [3, с. 371].

Теперь о роли сексуальных отношений в традиционном браке в следующей экстраполяции на современность: «Прежде всего, каждый из супругов ждет от брака того, что «не заложено» в его природе как социальном

институте – эротики (вплоть до «романтической» любви) и счастья, то есть личной самореализации, а рождение ребенка рассматривается как исполнение хотя и важной, но не первоочередной нужды (поэтому в модернистской семье оно откладывается на более поздний срок)» [2, с. 18]. В традиционной семье чувственные и сексуальные отношения между мужем и женой уходят на второстепенный план за счет ежедневного и сложного процесса выживания всей семьи.

Отношение к вдовцам, холостякам и браку в сожителстве было крайне негативное: «Порядочному человеку вступление в брак обязательно, холостяки не пользуются почетом. Взгляд на тех, которые долго остаются холостыми, определяется презрительным прозвищем: *ватӑ каччӑ*, т.е. «старый парень». Если женщина с кем-нибудь сожительствует, то к ней питают полное презрение, и если она первый раз придет на родину, то прежде чем пустить ее в село, *хӗрӗх витре шыв санаççӗ*» [10, с. 289]. За вдовцов пытались отдать «неуберегшихся» девушек [10, с. 289].

«В структуре духовных ценностей чувашей центральное место занимает идея гармонии, как состояние взаимосогласованности, сбалансированности, отсутствия диспропорций, противопоставлений и конфликтности. Другой стороной идеала гармонии у чувашей является гармония межличностных отношений, которые ориентированы прежде всего на достижение социального согласия, а не выражение истинности объективного явления» [8, с. 63].

Очень часто на обыденном уровне приходится сталкиваться с полной идеализацией традиционной семьи. На примере чувашей мы не можем увидеть строго патриархального устройства традиционной семьи. Семья не подчинена главе мужчине — существовало строгое подчинение интересам рода. Жизнь и труд в патриархальной деревне был достаточно тяжелым делом. Это была сложная система выживания, в которой отход от какой-либо составляющей грозил по-сути буквально физической гибелью. В таком контексте род (семья) жестко диктовал свои правила институту брака. Смерть главы семьи приводила к закономерному обнищанию оставшихся членов семьи. Все поведенческие сценарии внутри семьи были продиктованы выживанию рода-семьи.

При распространении «благ цивилизации» патриархальная модель брака была вытеснена — существование индивида вне семьи уже не угрожает индивиду смертью и голодом. Связь физического выживания индивида и семьи перестает быть сопряженной. Поэтому такие понятия, как холостяк, сожителство, вдовец перестают быть отрицательными с точки зрения норм и правил.

Литература

1. Ашмарин Н.И. Сборник чувашских песен. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1900.
2. Голод С.И. Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи // Социологические исследования. - 2008. - Вып. 1. - С. 40-49.
3. Гулик Р.Х. ванн. Искусство секса в древнем Китае. – М.: Центрполиграф, 2003

4. Денисов П.В. Этно-культурные параллели дунайских болгар и чувашей. - Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1969.
5. Забелин И.Е. Домашняя жизнь русских цариц — М.: Эксмо, 2005.
6. Кон И. С. Клубничка на березке: Сексуальная культура в России. – М.: Время, 2010.
7. Никитина Э.В. Чувашский этноменталитет: сущность и особенности. Чебоксары, 2005.
8. Николаев Е. Л. Дискурс здоровья традиционной чувашской культуры // Вестник психиатрии и психологии Чувашии. — 2008. — Вып. 4. — С. 76—108.
9. Риттих А.Ф. Материалы для этнографии России. XIV: Казанская губерния. Ч. I. – Казань: Тип. Имп. Казан. Ун-та, 1870.
10. Салмин А.К. Традиционная культура чувашей: тексты. - Спб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2014.
11. Шумов К.Э., Черных А.В. Беременность и роды в традиционной культуре русского населения Прикамья // Секс и эротика в русской традиционной культуре: Сб. статей. Сост. А. Л. Топорков— М.:Ладомир, 1996 — С. 172 — 192.
12. ЧГИ 21 – научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук.
13. ЧГИ 24 – научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук.
14. ЧГИ 144 – научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук.
15. ЧГИ 145 – научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук.

Пилипцов И.Н.
магистрант II год АГУ

ПОХОРОНЫ СТАЛИНА В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ(НА МАТЕРИАЛАХ САЙТА ORALHISTORY.RU)

Настоящая статья посвящена похоронам «Великого кормчего», однако мы не претендуем на всеобъемлющее описание траурного процесса. Данная тема широко известна, как в научном кругу, так и в массовой культуре, в частности Евгением Евтушенко был снят неоднозначный фильм «Похороны Сталина». Личность Иосифа Виссарионовича до сих пор является предметом спора в отечественной историографии, при этом многие авторы придерживаются диаметрально противоположных позиций.

Целью данной статьи является внедрение в научный оборот воспоминаний нескольких очевидцев похорон Сталина, представляющих по нашему мнению большой научный интерес.

Большинство используемых нами интервью были взяты у преподавателей г. Москвы, которые в 1953 г. были студентами МГУ и других университетов. Анализ данных интервью показал много, как общих, так и различных черт в

описании событий полувековой давности с точки зрения представителей интеллигенции.

Примечательно, что ни один из участников интервью, так и не дошёл до Красной площади из-за знаменитой давки. Так, Глеб Николаевич Батурин вспоминает, что на Трубной площади была толпа народа, буквально «человеческая река», напор не ослабевал и в какой-то момент люди стали «прессоваться»[2]. Анатолий Иванович Лукьянов, подтверждает слова Г. Н. Батурина, действительно, на Трубную площадь с двух сторон шёл народ, людей в давке «просто размывало». Позже А. И. Лукьянов с товарищами помогали разбирать «людской завал на площади» [7]. Вильям Артурович Буш подробно описывает путь от университета: с ул. Герцена до Садовой, далее по Новослободской и Колхозной к Самотеке. На Самотеке была плотная толпа, люди теряли сознание, стоял оглушительный визг и вопль[4].

Многие люди шли на похороны вождя семьями, так, В.А. Буш говорит о множестве детей, которых «идиоты тащат с собой». В результате, из-за начавшейся давки детей передавали «по головам» в открытые окна ближайших домов[4]. Однако А.И. Лукьянов наоборот утверждает, что детей было мало[7].

В наши дни общеизвестно, что в один день со Сталиным умер Сергей Прокофьев, однако Лев Константинович Науменко вспоминает, что о смерти Прокофьева он узнал случайно в консерватории, и об этом нельзя было «громко говорить»[8]. Тем не менее, не только смерть великого музыканта прошла незамеченной. Александр Ефимович Шлезингер рассказывает, что после смерти Сталина на кафедре иностранного языка в МГУ умер преподаватель. Заведующая кафедрой предложила почтить его память вставанием, после чего её уволили. При этом день смерти преподавателя не совпал с днём смерти Сталина, а лишь пришёлся на этот период[9].

Тем не менее, за давкой, замалчиванием смертей других известных людей скрывалось истинное отношение народа СССР к своему правителю. Н. И. Благодатов вспоминая о своём ссыльном родственнике, употребляет фразу: «к счастью, Сталин умер»[3]. Л. К. Науменко говорит об общей психологической растерянности[8]. Очень ценные сведения приводит А.И. Лукьянов, он называет смерть Сталина «величайшим горем». По его словам, люди искренне хотели попрощаться со своим вождём, ими управляли чувства уважения и любви. При этом у всех был единственный вопрос: как теперь они будут жить без Сталина?! Главной причиной столь положительного отношения к товарищу Сталину, А.И. Лукьянов называет победу над Гитлером, потому что народ привык ассоциировать победы на фронте с именем Верховного главнокомандующего[7]. Квинтэссенцию отношения народа к вождю подводит А.Е. Шлезингер, вся страна по его мнению «кто рыдала, кто смеялась», но равнодушным эта смерть не оставила никого[9]. Другими словами, как отмечает Александр Карэнович Агаджанян, смерть Сталина явилась поворотным пунктом в истории страны.

Для сравнения приведём другие, важные по нашему мнению, сведения о смерти Сталина. Будущий гротмейстер Виктор Львович Корчной узнал о смерти Сталина в поликлинике: в процедурной «надрывался» репродуктор, а

медсестра находилась в состоянии истерики. Сначала В.Л. Корчной трактовал состояние медсестры, как ужасное горе, и только спустя много лет, по его словам, он понял, что она рыдала от радости[5, с. 30].

Младший сержант Василий Иванович Лепилкин весной 1953 г. направлялся в отпуск из армии по Транссибу. Он вспоминает, что ещё в поезде объявили о смерти Сталина: женщины стали рыдать. По приезде в Новосибирск на вокзале оказалось множество «людей с повязками», которые следили за порядком: отсутствию смеха или громкой речи, а также собирания людей в группы. В это же время, по его словам, из Китая прошёл длинный эшелон с правительственной делегацией на похороны в Москву[6].

Однако далеко не все граждане СССР соблюдали осторожность, так А.Е. Шлезингер два дня в период траура играл в винт на кухне со школьными друзьями. По его выражению, им повезло, что у соседа старовера «рыльце было в пуху», иначе им грозило минимум десять лет лагерей[9].

Таким образом, описывая время похорон Иосифа Виссарионовича, мы невольно обращаем внимание на личность этого человека. Как видно из содержания статьи среди свидетелей тех событий не сформировалось единого отношения к вождю народов. К тому же, особый отпечаток на смерть Сталина накладывает давка на Трубной площади, в которой погибло множество людей.

Литература:

1. Агаджанян А. К. Об истории семьи, послевоенной Москве и первых биологических наблюдениях. 23.11.12 Режим доступа: <http://oralhistory.ru/projects/science/biology/agadjanyan>
2. Батулин Г.Н. о детском увлечении огнестрельным оружием, учебе в Институте востоковедения и командировке в Дамаск. 30.04.12 Режим доступа: <http://oralhistory.ru/projects/science/geology/baturin>
3. Благодатов Н.И. Об истории семьи. 23.01.13 Режим доступа: <http://oralhistory.ru/projects/art/blagodatov>
4. Буш В.А. Об аресте отца, жизни в «кисятнике», получении рабочей карточки и похоронах Сталина. 21.03.13 Режим доступа: <http://oralhistory.ru/projects/science/geology/bush>
5. Корчной В.Л. Шахматы без пощады: секретные материалы...М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2006. – 415с.
6. Лепилкин В.И. О похоронах Сталина, и связанных с этим событиях(устная беседа). Астрахань. 4.11. 2014
7. Лукьянов А.И. О разработке Конституции 1977 года, смерти Сталина и встрече с Маргарет Тетчер. 25.06.13 Режим доступа: <http://oralhistory.ru/projects/politics/istoriya-politicheskikh-nauk/lukyanov>
8. Науменко Л.К. О похоронах Сталина, советском идеословии и вероятности общественных процессов. 9.11.12 Режим доступа: http://oralhistory.ru/projects/science/philosophy/naumenko_2
9. Шлезингер А.Е. О детстве, учёбе, бегах и преферансе во время похорон Сталина. 28.04.13 Режим доступа: <http://oralhistory.ru/projects/science/geology/shlezinger>

ГИМНАСТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО «СОКОЛ» В Г. АСТРАХАНИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: КРАТКИЙ ЭКСКУРС ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «АСТРАХАНСКИЙ ЛИСТОК».

Общество «Сокол» зародилось в Чехии, где было одним из оплотов борьбы за независимость от Австрийской империи. Гимнастическая система «Сокола» - первая славянская система физического воспитания, основанная на четырёх группах упражнений: упражнения без снарядов (ходьба, бег); упражнения со снарядами (прыжки с шестом, упражнения с отягощениями); групповые упражнения (пирамиды и подвижные игры); боевые упражнения (фехтование, различные виды единоборств). Отличительной особенностью сокольской гимнастики было первоочередное внимание не на количество повторений, а на красоту выполнения [9, с. 15-18].

В России сокольские организации стали распространяться с 1907 г., а в 1911 г. на Первом Всероссийском съезде была провозглашена идея панславизма. Правые издания освещали деятельность «Сокола», а правые организации активно поддерживали, так как считалось, что упадок боевого духа среди молодёжи связан с недостатком физического воспитания. Однако сами представители «Сокола» неоднократно заявляли о своей аполитичности [10, с. 150-151].

Астраханский листок был главным «рупором» «Сокола» в Астрахани, в нём размещались, статьи и объявления, касающиеся деятельности общества [3, с. 4]. Так частыми были объявления об общих собраниях для избрания органов управления астраханского «Сокола» [1, с. 2]. Или о необходимости в письмоводителе «для вечерних занятий» [2, с. 2]. По средам с половины девятого проводились сокольские беседы [4, с. 2]. Также были распространены сокольские утра: «на утре было что посмотреть и на что полюбоваться» [4, с. 6].

Интересным исключением в череде объявлений и статей о «Соколе», является заметка об общем годовом собрании членов общества от 2 февраля 1914 г. На данном собрании было заслушано множество докладов, что не изменяло обычной в таких случаях процедуры. Однако представляется важным обратить внимание на заявление Г. Власова, который усомнился в уплате некоторыми присутствующими членского взноса. Любопытно, что заявление было отклонено, так как и сам Г. Власов членского взноса не оплатил.

Среди докладов особого внимания заслуживает речь И. А. Ленса, который говорил о возможном сотрудничестве со средними учебными заведениями, учащиеся которых могли бы заниматься гимнастикой на базе общества, за определённую плату. После чего начальник «соколов» Л. А. Зикмунд подвёл итоги года, обратив внимание, что, «к его крайнему огорчению, среди соколов есть эгоисты», не передающие приобретённые знания [2, с. 6].

В конце заседания, был поднят вопрос о бюджете на 1914 год, в результате чего доходы общества определялись в 2600 р., а расходы в 3000 р. Однако кажущийся дефицит с легкостью покрывало приобретение инвентаря и

строений общества «Спорт» за 2000 р., что рассматривалось, как очень выгодная сделка[2, с. 6].

Тем не менее, деятельность соколов не ограничивалась «беседами» и гимнастическими занятиями в рамках общества. Так, помимо работы в обществе, начальник «Сокола» А. С. Зикмунд вместе с женой А.Ю. Зикмунд вели мужской и женский курсы «домашней и врачебной» гимнастики[3, с. 7].

В конце февраля общество объявило о приглашении лектора С. П. Полтавского с лекциями о футуризме[5, с. 2]. В статье «К сведениям о футуризме» корреспондент газеты К. Эльмер приветствовал проведение лекций, однако, отметил, что «вряд ли найдётся много охотников» считать футуризм положительным явлением[6, с. 5]. Другой автор, писавший под псевдонимом Vale, отмечал, что футуризм явление временное, и «будущего не имеющее» [7, с. 4]. В следующей статье о футуризме тот же автор прямо отметил, что «литература стала доступна ныне всякой свинье». Однако надо отметить, что приведённые негативные мнения исходят от корреспондентов газеты, а никак не от общества «Сокол». Но, не смотря на это, уже на вторую лекцию публики собралось «в количестве весьма скромном» [8, с. 4].

Таким образом, накануне Первой Мировой войны Сокольское движение в Астрахани активно развивалось, практически в каждом номере Астраханского листка можно было встретить информацию о деятельности «Сокола». На постоянной основе проводились, общие и годовые собрания, сокольские утра и беседы, и даже читались лекции.

Литература:

1. АОГУ ГААО. Астраханский листок. 1914. № 26. 2(15) февраля.
2. АОГУ ГААО. Астраханский листок. 1914. №28. 4(17) февраля.
3. АОГУ ГААО. Астраханский листок. 1914. № 32. 8(21) февраля.
4. АОГУ ГААО. Астраханский листок. 1914. №38. 18 февраля (3 марта).
5. АОГУ ГААО. Астраханский листок. 1914. №42. 22 февраля(7 марта).
6. АОГУ ГААО. Астраханский листок. 1914. №43. 23 февраля (8 марта).
7. АОГУ ГААО. Астраханский листок. 1914. №47. 28 февраля (13 марта).
8. АОГУ ГААО. Астраханский листок. 1914. №48. 1(14) марта.
9. Качулина Н. Н. Сокольская гимнастика // Юбилейный сборник трудов учёных РГАФК, посвящённый 80-летию академии. 1997. Т. 1.
10. Рылов В. Ю. Патриотические и военно-спортивные организации в общественно-политической жизни России начала XX века // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. №14.

Тютинна О.С.,
студентка факультета гуманитарных наук.
Нижегородский государственный педагогический университет
им. К. Минина.

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫЧЕСТВА В РАБОТАХ НЕОЯЗЫЧЕСКОГО ИДЕОЛОГА А.А. ДОБРОЛЬСКОГО.

В концепции развития славянской языческой традиции А.А. Добровольского особое место уделяется непосредственно мировоззренческой составляющей язычества. Идеолог неоязычества высказывает предположение о пантеистическом характере языческой религиозности, которая, в свою очередь проявляется через такую элементарную форму религиозного сознания как анимизм: «пантеистически-анимистическое Язычество – это природная этика, возведённая в ранг Религии»[4, с.51].

В пользу господства анимистических представлений Доброславом приводится в пример почитание Духов леса, причем почитание это уходит корнями вглубь веков, ко времени, предшествующему появлению производительного хозяйствования: «изначально эту Религию исповедовали все народы Земли»[4, с.51]. «Почитание Духов-Хозяев присуще всем охотничьим народам. Славяне – дети Леса, а поэтому им близки Духи лесные... Дух – это сила, не существо» [6, с.24].

Обращаясь к вопросу об изначальных наидревнейших славянских религиозных воззрениях, стоит обратить внимание на идею Д. Шеппинга, который, в отличие от Добровольского в качестве первичной формы религиозности указывает на деизм, который в последствие стал прародителем как пантеизма так и анимизма в славянском язычестве: «Первоначальный источник человеческих верований, по нашему мнению, есть отвлеченный деизм... одни предались поклонению самых явлений и веществ;... другие же, ...представили себе всю природу наполненную бесчисленным множеством видимых и невидимых духов, чародеев и гномов» [9].

В работе Е.В. Аничкова, основываясь на позднейших христианских источниках также фигурирует точка зрения о достаточно позднем идолопоклонческом периоде в развитии языческих воззрений [1, с. 264].

В.Ю. Кривошеевым выделяются помимо обозначенного А. Добровольским анимизма такие древнейшие формы славянской религиозности как тотемизм и фетишизм. Где под фетишизмом автор подразумевает поклонение различным неодушевленным и одушевленным предметам и обожествление сил природы [7].

Таким образом, суть одушевление и обожествление сил природы наделяется исследователями разнородными по смысловому наполнению дефинициями, что, на наш взгляд, обусловлено в немалой степени, достаточно узкой источниковедческой базой. Неполнота которой позволяет достаточно широко трактовать первичные славянские верования.

О.С. Осипова в работе «Славянское миропонимание» говорит о наличие так называемого многоуровневого политеизма, где гармонично взаимосвязаны между собой различные религиозно – мировоззренческие элементы: «миры богов и духов, образующие единую систему - славянский языческий пантеон» [8].

Говоря о генезисе языческих воззрений, автор выделяет некую системообразующую компоненту, которая получила в его работах такое обозначение как «ядро славянских религиозных понятий» [2, с.40]. И по мнению Добровольского это «ядро» сложилось в далекую праславянскую эпоху (хронологические рамки которой, впрочем, не указаны): «древнейшей формой религии всех индоевропейцев было почитание Природы как таковой» [2, с. 40]. В работах идеолога нижняя хронологическая граница описываемого явления отодвигается к доцивилизационному периоду славянской истории: «Язычество по меньшей мере на 50 тыс. лет старше монотеистических религий» [3, с. 14].

Ю.В. Кривошеев также возводит появление древнейших славянских языческих понятий к самым незапамятным временам: Истоки его видятся за много тысячелетий до начала нашей эры [7].

Рассуждая непосредственно о славянском язычестве, Добровольский выделяет внутри него периодизацию, в основании которой положен принцип антропоморфитизации пантеона. Исходя из чего автором выделены три стадии языческих воззрений вообще, и славянорусского (как системообразующего для индоевропейцев) в частности.

Первая стадия связана с пантеистическим пониманием религиозно-мировоззренческой составляющей и представляет собой «непосредственное почитание природы и ее живых стихий» [3, с.20]. Вторая стадия является неким переходом к анимизму, который выражается через «поклонение Духам-Божествам, олицетворяющим силы и явления природы». Анимистические божества по мнению васеневского отшельника, «постепенно принимают более или менее антропоморфные образы» [3, с.20]. В следствие чего остается лишь «один шаг до третьей стадии - поклонения кумирам-идолам-богам» [3, с. 20].

Но в то же время именно первобытные формы религиозной жизни взводятся Доброславом в ранг неких первоначальных, чистейших форм: «Исконная славянорусская религия далека от антропоморфизма, ей не было свойственно олицетворение Природы в виде божеств, наделённых человеческими качествами» [2, с.39-40].

Но, также исходя из вышесказанного автором не отрицается наличие пантеона богов. Но при этом как мы видели в периодизации язычества, предложенной Добровольским, идеолог от неоязычества отнюдь не отрицает эволюцию славянских языческих воззрений, причем в основу самой периодизации положен именно принцип антропоморфитизации пантеона, но при этом, васеневский отшельник намеренно возвеличивает именно стадию первобытных религиозных верований, которые подверглись в дальнейшем некой деградации.

«Славянорусское язычество не было политеистической религией в первичном смысле этого слова,... у восточных славян была очень слабо

выражена персонификация представлений о Высших Силах. Преобладали нелицетворённые представления о неких безличных природных Силах-Сущностях»[5, с.6] .

Возникновение такого явления как антропоморфизм в славянском язычестве Добровольский связывает ни с чем иным как со «следствием вредного чужеземного влияния» [2, с.48].

Таким образом, опираясь на предложенную автором периодизацию славянского язычества можно говорить о том, что процесс антропоморфитизации анимистических представлений проходил под влиянием извне в рамках второй стадии языческой эволюции. То есть по своей сути являлся естественным процессом «очеловечивания» божественных сущностей под воздействием как внешних факторов в виде чужеземного влияния, так и внутренних - а именно переходом к новому типу хозяйствования – рабовладения, последнее было присуще славянскому обществу в том числе, пусть и в весьма своеобразной форме. Переход же к третьей стадии – поклонению идолам и кумирам, по мнению автора произошел по инициативе сверху. И так же был обусловлен изменением типа хозяйственной деятельности – развитием феодальных отношений. Таким образом, можно говорить о некой неотвратимости перехода к третьей стадии под воздействием такой движущей силы как феодализм, но религиозная реформа князя Владимира несколько предвосхитила событийный ряд, взяв инициативу, исходившую ранее «снизу» под свой протекторат, вызвав на себя гнев васеневского отшельника.

Список использованной литературы.

1. Аничков Е.В. Язычество и древняя Русь СПб, 1914 . Режим доступа. -URL: <http://sun.tsu.ru/mminfo/000190380/> (дата обращения: 27.12.2014).
2. Доброслав. Волхвы. – Б.м., б.г. – 79 с.
3. Доброслав. Об идолах и идеалах. – Б.м.: Новая земля, 2007. – 89 с.
4. Доброслав. Призрак Кудеяра. – Н. Новгород: Allprint, б.г. – 91 с.
5. Доброслав. Язычество как волшебство. Киров: Вятка, 2004. – 31с.
6. Доброслав. Язычество: закат и рассвет. – 2-е изд., испр.- Киров: Вятка, 2004.- 80с.
7. Кривошеев Ю.В. Религия восточных славян накануне крещения Руси. Режим доступа. -URL: <http://heathen.narod.ru/library/religion.html> (дата обращения 18.12.2014)
8. Осипова О.С. Славянское языческое миропонимание (философское исследование), 2000. Режим доступа. -URL: <http://www.paganism.ru/osipova.htm> (дата обращения: 25.12.2014).
9. Шеппинг Д. Мифы славянского язычества. М., 1849. Режим доступа. -URL:<http://krotov.info/history/10/1/shepping.htm> (дата обращения: 21.12.2014)

Кокуашвили Н. Б.,
Академия архитектуры и искусств
Южный Федеральный Университет, доцент

ТРАНСЛЯЦИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

Проблема сохранения культурного наследия не раз поднималась культурологами, этнографами, музеоведами, педагогами. Написаны многочисленные труды: малые и большие, но проблема остается острой и сегодня. В условиях усиливающихся процессах глобализации и других внешних вызовов, сохранение традиционной народной культуры является важнейшей задачей.

Исторически сложилось так, что на Юге России соседствовали многие народы и у каждой народности существовали свои обычаи и традиции, складывающиеся веками. В них отражается история народа, его душа и опыт, передающийся из поколения в поколение. Развитие многонациональной культуры связано с интеграционными процессами, на фоне которых наблюдается тесное взаимодействие и сближение различных культур. Сохранение и развитие традиционной культуры всех народов России, и особенно народов Северного Кавказа, крайне важно для стабильности и государственной устойчивости.

«Яркая самобытная культура Юга России, о которой мы говорим сегодня, есть не что иное, как результат синтеза, векового взаимовлияния и обогащения различных субкультур. Очевидно, что отечественная культура тем богаче, чем ярче и красочнее каждая входящая в нее национальная культура» [1. с.51-53].

Традиционная народная культура в образовательном процессе играет большую роль в формировании личности; творческой личности, если говорить о студентах художественных и искусствоведческих направлений. В подготовке искусствоведа, художника декоративно-прикладного искусства и дизайнера знакомство с культурными ценностями уже с первых курсов имеет большое значение. Культурно-образовательный процесс способствует развитию воображения и художественной фантазии студентов, а для студентов-искусствоведов способствует формированию интеллектуально-аналитической базы для успешного освоения учебной программы и дальнейшей профессиональной деятельности.

В структуру Государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования включен национально-региональный компонент. Высшие учебные заведения получили возможность вводить в учебный план дисциплины, которые знакомят студентов с культурным наследием и формируют у них интерес к народным традициям, промыслам и народной культуре в целом. Это особенно важно в период развития и определения эстетических ценностей молодежи.

В Академии Архитектуры и искусств Южного Федерального Университета (ААИ ЮФУ) помимо искусствоведческих дисциплин общепрофессионального цикла, уделяется большое внимание повышению интереса студентов к региональному историческому и культурному наследию. Этому способствуют курсы лекций по дисциплинам: «История архитектуры Северного Кавказа», «История костюма народов Юга России», «Художественная культура донского края», «История регионального костюма».

Как правило, в академические аудиторные часы происходит пассивное знакомство студентов с культурным наследием. В результате подготовленные доклад, презентации, рефераты по теме недостаточно проработаны по объёму или содержанию. При подготовке специалистов художественного и искусствоведческого профиля для обучения студентов требуется более глубокие и активные методы обучения.

Эти методы используются на учебных практиках, часы которых носят активный характер и являются логическим продолжением дисциплин учебного плана. Планируются музейные, обзорно-искусствоведческие, пленэрные практики после завершения теоретического обучения. Преподаватели кафедры дизайна ААИ ЮФУ проектируют содержание и наполнение учебных практик так, чтобы они создавали возможности полноценного применения полученных в течение учебного года навыков и знаний студентов. Т. О. Бердник и Л. Ю. Саяпина, исследуя графические модели учебных практик, отмечают: «Существует чётко детерминированная очерёдность учебных практик, содержание, цели и задачи которых обусловлены логикой образовательного процесса» [2 с. 114].

Особое место в системе художественного образования занимает обзорно-искусствоведческая практика, предполагающая активный метод знакомства с архитектурным и художественным наследием; с традиционной народной культурой; с изделиями народных промыслов и предметами декоративно-прикладного искусства. В процессе работы на данной практике происходит синтез теоретических знаний, практических навыков и личного опыта. Это способствует формированию у обучающихся не только эстетических ценностей, но и профессиональных компетенций специалиста в области искусствоведения, дизайна, дизайна костюма и художественного проектирования костюма.

Сегодня актуальным становится осознание приоритета творчества как слагаемого профессионального успеха и личного благополучия. Безграничным творческим источником для работы дизайнера является народная культура. Изучение и анализ образцов народной культуры дает возможность студенту познакомиться с самобытностью родного края, стать духовно богаче, пополнить багаж творческих идей для создания современных образов.

Произведения народного искусства связаны с воплощением мечты народа о прекрасном, гармонии и совершенстве мира, это результат творчества многих поколений мастеров. Погружаясь в пласты традиционной народной культуры, анализируя выразительную форму предметов, приемы обработки, функциональное назначение, студенты получают информацию о

соотнесенности произведения с целостной системой предметного мира данной эпохи, народа и региона. Студент, пополнивший «культурный и эмоциональный багаж», вернувшись в пассивное пространство учебных аудиторий, выполняет учебные задания по проектированию современного дизайнерского объекта на более качественном и профессионально осмысленном уровне.

Полученная информация мотивирует студентов к дальнейшей научно-исследовательской работе. Пример тому, ежегодное участие студентов кафедры дизайна ААИ ЮФУ во Всероссийской научно-практической конференции студентов и магистрантов «Студенческое творчество в архитектурно-художественной культуре России».

Накопленный творческий потенциал и приобретенные навыки позволяют обучающимся выполнять коллективные творческие проекты – коллекции костюмов и представлять их на выставках, конкурсах и фестивалях разного уровня. Победы в конкурсах, дипломы, публикации статей и тезисов – результат ежедневной работы студентов по профессиональному самосовершенствованию.

Без знания прошлого невозможно создать будущее. Традиционная народная культура является неотъемлемой составляющей базы современного дизайна, как формообразующего направления в социокультурном пространстве. У современных вузов сегодня есть уникальная возможность транслировать культурное наследие в образовательный процесс студентов всех форм обучения.

Литература:

1. Кокуашвили Н. Б. К вопросу об искусствоведческой практике [Текст] / Н. Б. Кокуашвили // Современные технологии в дизайн-образовании: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Ч.2 – Сочи: РИО СИМБиП, 2007. – С. 51-53.

2. Бердник Т. О., Саяпина Л. Ю. Графические модели учебных практик в Институте Архитектуры и Искусств Южного федерального университета // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2012. № 9. – С. 114-121.

Муртузалиев С.И.,
д.и.н., проф.
ИВИ РАН, в.н.с.

ГОРЫ И ГОРЦЫ В ОРИГИНАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ МИРОПОНИМАНИИ Г.Д. ГАЧЕВА

Ученый Г.Д. Гачев является автором многотомной серии сравнительных описаний культур и миропониманий разных народов. Крупнейший российский философ, искусствовед и культуролог, он создал собственную оригинальную систему и методологию исследования, в которой каждая национальная целостность рассматривается как своеобразный Космо-Психо-Логос, т.е. единство местной природы, характера народа и склада его мышления [2, с. 12].

Изучая кочевой, земледельческий и горский образы жизни, которые «излучают особые мировоззрения, отмечены своей шкалой ценностей и понятий», Гачев исходит из предположения, что «все имеет со-мысл с Целым, каждая вещь и обычай излучает некие идеи, понятия. И задача ума — выдоить их из обитания в вымени матери(и)-вещества, перегнать из одной формы бытия — вещественной в иную — интеллектуальную». Увлечшись «истолкованием», ученый характеризует себя как переводчика «с языка вещей на язык идей» и как «перевозчика: с берега быта на берег бытия — на пароме умозрения» [1, с. 2, 3].

Занимаясь этой «увлекательной работенкой», Гачев замечает, что «надо научиться читать книгу бытия каждого народа, которая написана на его земле: в горах или равнинах», отдавая предпочтение не горизонтально-глобальному подходу, а «вертикальному» (понизовому, эмпирическому, эвристическому). Восстанавливая «в правах древний жанр умозрения», автор утверждает, что «вершине истины все равно, как мы до нее добираемся: по уступам и стенкам горы, научно двигаясь и видя только эту гору или на вертолете умозрения взлетая и имея возможность обозреть контекст этого утеса среди долины ровных или горы в системе Тянь-Шаня». Но чтобы постичь национальный космологос (предмет исследования) изучение надо начинать «с рассмотрения и толкования нижних этажей национальных космологосов... Это — земля, поверхность, ее склад, воды, реки, леса или степи, горы и к какому направлению умов такой склад бытия предрасполагает» и только затем переходить к верхним духовным этажам национального космологоса [1, с. 3, 8, 9-10].

Исследуя национальную систему ценностей, логику и психику каждого народа, ученый совершает путешествия в Грузию, Азербайджан и Армению. Описывая образы мира кавказских (закавказских) народов в «жанре интеллектуального детектива», автор просит читателя о снисхождении (и правильно делает. - С.М.), т.к. «никто не застрахован от неточностей, но есть свой смысл в свежести первых удивлений, в напряженном поиске мысли, в дознании до знания» (2, с. 12, 13] - вот в этом ученому нельзя отказать.

Итак, горы занимают особое место в картине мироздания Гачева: «Горы - каменный костер, остановившийся и увековеченный». Однако горы и горцы, при всей кажущейся схожести, имеют существенные отличия: «Горы Грузии — костисты. Горы Армении — мясисты». А в Азербайджане «словно произошло на их веку вздыбливание равнины и образование гор и стискивание субстанции в напряженность постоянную, что в готовности пружинно распрямиться — в каждом азербайджанце». Отличительная особенность «Азербайджанства» заключается в том, «что они тюрки и входят в Космос Ислама». Каждый азербайджанец как «камень: налит плотию, сбит. И, как жилы-прожилки в породе, — чувства, страсти, что грозят, сдавленные...». У азербайджанок «Брови — как сакля. Глаз из-под брови = родник из-под скалы». Азербайджанец ради папахи готов «жертвовать своим лицом (т.е. своим я и его суждением частным)». Пребывая в Баку, Гачев задается вопросом: «Куда ж уходит животво-жизненная вспльчивость первичного азербайджанца» — в

человеке воспитанном? Не в хитрость ли, уклончивость, коварство и лицемерие — на первых порах культуры, когда духовно-нравственные ценности не видятся самоцелью, а как способ поймать для себя материальные блага?...» [2, с. 226-232, 242, 328, 394].

В отличие от азербайджанцев «грузины в крови и субстанции и в гене своем не имеют памяти о некогдашнем раздольном житьи-бытии на просторах, так что существование среди горных складчатостей для них первично и естественно и не так напряженно стискивает натуру и Психею. Армяне тоже — среди плоскогорий и гор сразу...». У грузин легкая душа «хотя жизнь может быть и тяжелой, и бедной, и трудной», ибо «так расположился их Космос: поверх земли, среди гор — и даже не среди, «в » горах, а на горах, на вершинах, по-птичьи, небо и высь чуя и легко ею дыша...». «Быт-обычай, завет предков нравственный — тут держится сам собой. ... меру труда тут горы и роды долин определяют: больше не возьмешь, чем соблаговоляют, но и меньше нельзя, ибо помрешь... Да и знают свои дела люди тут от века...» [2, с. 17, 180, 226].

Оторванный от корней космоса своего, на чужбине грузин становится воином, он «особенно лют и динамичен: не имея сдерживания и меры космоса вокруг себя, как на родине, где — ориентировка на людей, друзей, народ вокруг. Одинок, он становится страшно активен, развивается в личность, но — недобрую. Ибо импульс его основной — отмстительный, а не любовный, как когда он на родине при себе, при сути. Так что там грузин может становиться чудовищем, монстром: Сталин, Берия...» [2, с. 93-94].

Горы есть и в Армении, «но их соотношение с небом и воздухом иное: горы суть не проходы неба в землю (как долины и ущелья в Грузии), а, напротив, — плацдармы и форпосты завоевания неба землей, поход вздыбившейся матери(и) земли, отелеснение воздуха и оплотнение неба». В природе Армении ученый усматривает некое монофизитство: «... монолит Армянского плоскогорья, плато, которое есть выпуклость Земли, вспучившейся из вулканических недр в небо. ... Плато есть живот Земли, утроба, вспучившаяся в небо, тело Великой Матери» [2, с. 17-19, 22].

Своя специфика существует и в типах жилища. Горцы живут там, где «земля и так уже человеческой вертикалью поднята». Если на равнине «город начинается с двухэтажности» где «человек не на земле, а на голове человека стоит» (второй этаж, третий и т.д. — С.М.) и город «городится над землей», то в горах город в утробе земли. В данном случае речь у автора идет о том, что в каменистую плотность/твердь гор в седой древности вгрызались люди, чтобы найти кров (укрыться) в пещерах и пещерных городах [2, с. 11-12, 75]. Думается, это наблюдение Гачева следует дополнить архитектурной аулов Дагестана, где крыша одного дома служит полом (основанием) для другого. Вгрызаясь в гору и «цепляясь» друг за друга, надстраиваясь уступами, как бы поднимаясь по лестнице, жилища аульцев возносились к вершинам гор, создавая уникальную архитектуру горных небоскребов, среди шума камнепадов и рокота рек — «музыки горного космоса».

«Если Человек — срединен между Небом и Землей, то и Горы — тоже таковы: братья человеку. ... И единственно мягкое в этом космосе камня — это

сам человек ... Отсюда — хрупкость и чувствительность души (грузина. — С.М.) и необходимость ей защититься ... в своей башне, — препоясаться строгим обычаем и ритуалом; и не подпускает он в святая святых себя, не откровенничает — и не только с чужеземцем, но и между собой не склонны выворачивать душу наизнанку — в исповеди друг другу» [2, с. 39].

Складчатость гор вливает в людей «страстно-эросные судороги Земли, вулканичное кипение ее недр при зачатии ее покрова» влияет на горцев и южан, характер которых «вспыльчив и нетерпелив-тороплив-поспешен, языком пламени воспламеняется — подобно как и горы вокруг: такими же всполохами природы стоят, страстно-нетерпеливыми, торопливыми...» [1, с. 185]. «Энергии стекают в людей: с неба и по стокам-спускам гор: каждый человек — как котловина и ущелье, слив огня солнечного». Добро и зло в горных аулах никуда не деваются, «действуют их накапливаемые энергии. Как с таким жить?.. Начать с начала нельзя, что есть главная мечта и шанс человеку на Руси: уехать на край света, куда глаза глядят — и начать жизнь сначала!» В горах все иначе и «требуется жесткий закон, обычай, — но и милость, прощение», поскольку «в космосе гор убийство врага ничего не разрешает, а готовит отмщение (кровная месть. — С.М.) ... Так что проблемы тут нельзя разрешить, но с ними нужно жить (как в свое время мудро говаривал Шарль де Голль о политике мировой...). Этот принцип действует и в малой политике отношений между людьми: такт и этикет и снятие напряжений через юмор...» [2, с. 38-39, 40].

У горцев «разные континуумы бытия и логики: в доме, у очага — один закон, а на дороге, в открытом пространстве — другой ... Ибо именно благодаря соблюдению этого «рыцарского» императива, среди всех непрерывных войн междоусобных между народами мелкими и селами ... Грузии, — они не вырезали друг друга, как если бы кто взял верх и объединил государство; но сумели так, на протяжении тысячелетий, сохраниться и выжить — в разнообразии своих составляющих: областей, нравов и народов. Ибо не поддавались до конца прагматике и физике и политике минуты, но памятовали категорические запреты и императивы высшего порядка» [2, с. 123].

Горы дают и «модель отношений между ОБЩИНОЙ и ИНДИВИДОМ (выделено Гачевым. — С.М.): на одном хребте (= символ единого тела общины) высятся пики-вершины (= индивиды). Но они не самостоятельны - именно: не сверху донизу самодержатся, как такие выродки-титаны-вулканы, как Эльбрус». Нелесный этикет Эльбруса («выродок») объясняется автором теснейшей взаимосвязью и взаимозависимостью людей (в данном случае грузин) и гор и «вскипевшей прагматикой национального вопроса». Недаром Эльбрус «вынесен космосом Кавказа на север Главного хребта: вне Грузии титан этот сослан, как Амиран-Прометей, Сверхчеловек-Гора, и глядит он в сторону России: ей он более адекватен, а Грузии таковой не нужен. Ей по душе более такая гора, как Казбек: первый среди почти равных вершин рядом». Впрочем досталось от автора и Казбеку, который «на выходе из Грузии, на полпути к России: на Крестовом перевале стоит, страж Кавказа, как и Эльбрус ... Но не доглядел и Казбек: змею (именно!) пригрел (именно!) на своей груди. С Казбека-то как раз и стек Терек = сей предатель Кавказа, что выдал его и

Грузию северянам: проложил на север лаз-ущелье, по которому и пролегла основная трасса завоевания: от Владикавказа рука Военно-Грузинской дороги до Тифлиса дотянулась ...» [2, с. 134].

Исследования Г.Д. Гачева наглядно показывают, что в процессе жизнедеятельности у каждого народа сложилась своя картина мира и своя шкала ценностей. Горский образы жизни, среда обитания сформировали ряд особых черт характера. Вместе с тем этнокультурное разнообразие высокогорных районов дает чрезвычайно широкий диапазон различий и контрастов.

Литература

1. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Евразия — космос кочевника, земледельца и горца. - М.: Институт ДИ-ДИК, 1999.

2. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Кавказ. Интеллектуальные путешествия из России в Грузию, Азербайджан и Армению. - М.: Издательский сервис, 2002.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ СЕТЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЭТНИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ В МЕГАПОЛИСАХ

На карте современного мира нет мегаполисов с гомогенным, моноэтническим составом населения, поэтому крупные города постоянно сталкиваются с этническими конфликтами. Соответственно, нельзя отрицать актуальность и необходимость поиска механизмов, обеспечивающих гармоничное проживание различных групп в одном городе и в одном государстве. Современное информационное общество (или общество знаний) требует поиска новых более результативных методов решения проблем и конфликтов. Соответственно в политическом процессе появляются новые подходы к управлению, акцентирующие внимание на активном и осознанном взаимодействии различных акторов, формирующих политические решения и участвующих в их выполнении.

В большинстве случаев конфликты возникают из-за недостатка знаний, и, соответственно, доверия, по отношению к другим этническим группам. Сетевое взаимодействие различных диаспор разрушает замкнутые границы. Это особенно важно в том случае, «когда иммигрантские группы хорошо сплочены, демонстрируют чувство превосходства по отношению к «местным» и не обнаруживают сколько-нибудь заметного стремления к тому, чтобы интегрироваться в принимающую среду»[1, с. 85]. Суть такой сплоченности заключается в том, что члены диаспор отождествляют себя, прежде всего с собственным национально-государственным образованием, а не с государственной общностью в целом. Следовательно, главной задачей является преодоление противопоставления индивидом своей групповой этнической идентичности и национальной. Р. Брубейкер писал, что «этнические сети могут воспроизводиться и без высокой степени групповости главным образом благодаря самой логике сетей общения и структур возможностей и вытекающей отсюда умеренно высокой степени этнической эндогамии»[2, с. 330]. Таким образом, есть основания полагать, что доверие этнических сообществ друг к другу является инструментом для предотвращения и разрешения конфликтов.

Политические сети отказываются от вертикального распределения полномочий, строгого иерархического контроля. Диаспоры являются равными акторами политического процесса, несмотря на то, какими ресурсами они обладают. Программы и стратегии, направленные на гармоничное проживание этнических сообществ в мегаполисах должны приобрести поддержку непосредственно у данных групп. «Разработка программ и стратегическое планирование подразумевают творчество. Таким образом, жесткие иерархические коммуникационные связи в отличие от сетевых структур взаимодействия не стимулируют, а порой и исключают творческий подход»[3,

с. 75]. Для эффективного взаимодействия этнических сообществ важно учитывать неформальные связи и отношения. Это необходимо, поскольку в сложных и нестабильных в этническом плане мегаполисах существуют многочисленные, разнообразные и взаимосвязанные акторы, влияющие на процесс принятия решений. В данном контексте можно вспомнить Брюссель и Бельгию в целом. Это государство, уникально построенное на двух уровнях организации: «языковых сообществах (внетерриториального способа организации) и областях (территориального способа организации), стало биполярным федеральным государством, в котором Фламандское сообщество и Валлонская область играют первые роли, Брюссельская область и Немецкоязычное сообщество являются младшими составляющими» [4, с. 273], а федеральный центр является арбитром. Брюссель территориально расположен во Фландрии, но по численности населения большинством здесь являются франкоязычные валлоны (более 80%). Таким образом, столица является единственным официальным двуязычным городом в стране с тремя официальными языками. Предоставление автономии этническим сообществам в решении вопросов, отнесенных к ведению областей и языковых групп и допущение некоторой асимметрии в органах городского управления стали инструментами для решения бельгийского этнического конфликта. Стоит подчеркнуть, что такая система городского управления не может работать эффективно, если не учитывать взаимодействие с этническими сообществами (фламандцами и валлонами), принимать решения вертикально, иерархично и не учитывать неформальные отношения.

Санкт-Петербург является полиэтническим и многокультурным городом, ежегодно принимающим огромное количество мигрантов (от 400 000 до 500 000). В основном миграционные потоки втекают в город из стран СНГ и Кавказского региона: сегодня приблизительно 25-30% представителей этнических сообществ Санкт-Петербурга принадлежат к неславянской лингвистической группе. «По статистическим данным Федеральной Миграционной Службы в 2012 году Санкт-Петербург принял мигрантов из следующих стран: 69% из Узбекистана, 18% из Таджикистана, 8% из Украины, 4% из Молдавии. Этнические сообщества Санкт-Петербурга можно разделить на две большие группы».[5, с. 21] Это «старые сообщества», отличающиеся высокой степенью интеграции в городское сообщество, члены данных диаспор чаще имеют высшее образование и уже не одно поколение семей живет в городе. Среди них: армянская, еврейская, татарская, польская, украинская, финская и другие диаспоры. Во вторую группу входят «новые трудовые мигранты». Обычно им характерен недостаток профессионального и университетского образования, многие не обладают навыками жизни в городской среде.

Чтобы интегрировать такое число различных этнических групп в городское сообщество, наладить коммуникацию государства с ними и между ними, правительством Санкт-Петербурга была разработана программа «Толерантность – 1» (2006-2010) и «Толерантность – 2» (2011 – 2015).

В первой части программы были поставлены такие цели, как повышение толерантного отношения к мигрантам среди петербуржцев, борьба с экстремизмом и ксенофобскими настроениями. Целевая направленность второй части программы была ориентирована на интеграцию мигрантов в городскую среду по средствам изучения русского языка, на повышение уровня жизни, на воспитание и образование детей мигрантов. В ходе реализации программы «Толерантность — 2» были приняты новые образовательные программы, введены уроки «толерантности» в школах, созданы экскурсионные программы для школьников. Информация и знание о других этнических группах, об истории города благотворно влияют на уровень доверия к различным диаспорам и к органам государственной власти. Высокий уровень доверия позволит не только избранным членам этнических сообществ участвовать в процессе принятия решений. Данная перспектива становится особенно важной после событий в Бирюлево (Москва) осенью 2013г. и подписания 16 октября 2013 после вышеуказанного конфликта Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части определения полномочий и ответственности органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления и их должностных лиц в сфере межнациональных отношений». Федеральный закон закрепляет личную ответственность губернаторов за этнические конфликты в регионах, уполномочивает органы власти в таких сферах, как укрепление межнационального и межконфессионального согласия, предотвращение дискриминации по признакам национальной, языковой или религиозной принадлежности, социальная и культурная адаптация мигрантов.

Однако, программа «Толерантность» по-прежнему не решила целого ряда проблем. В первую очередь это касается общественного мнения относительно программы: повсеместное распространение насмешливых и негативных откликов на слово «толерантность». Во-вторых, на сегодняшний день члены диаспор в основном проявляют низкий уровень политического участия и сотрудничества по проблемам выработки этнической политики города. В-третьих, несогласованность действий различных комитетов правительства Санкт-Петербурга не ведет к выработке эффективной политики в данной сфере.

Безусловно, этнические сообщества могут эффективно взаимодействовать по принципам политических сетей при условии значительно высокого уровня гражданской культуры во всем обществе. Кроме того, необходимо, чтобы данные диаспоры были организованы как демократические институты, только в этом случае члены сообщества будут следовать «правилам игры».

Список литературы.

[1] Ачкасов В.А. Этнополитическая мобилизация: попытка концептуализации понятия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2014. № 3, с. 81-89

[2] Брубейкер Р. Этничность без групп / М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. — 408 с

[3] Шерстобитов А.С. Коммуникационные механизмы взаимодействия федерального центра и регионов и эффективность административной реформы // Современный федерализм: Российские проблемы в сравнительной перспективе. Труды Всероссийской научно-практической конференции СПб 21-22 ноября 2008/ Под ред. Солонина Ю.Н., Сморгунова Л.В., СПб.: Изд-во С.-Петербур. Ун-та, 2008

[4] Государства Альпийского региона и страны Бенилюкс в меняющемся Европе / под ред. В.Я. Швейцера – М.: Издательство «Весь Мир», 2009, с. 27

[5] Achkasov V.A., Rozanova M. S. Migrant' s Adaptation and Cultural Integration into Urban Multicultural Society: A Case Study in St. Petersburg // OMNES : The Journal of Multicultural Society. №1, 2013, pp. 1-31.

Парфенова Ю.В.

*Аспирант кафедры российской политики
ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет»
Россия, Санкт-Петербург*

МНОГОУРОВНЕВЫЙ ПАРЛАМЕНТАРИЗМ В ЕВРОПЕ: МЕСТО НАЦИОНАЛЬНЫХ ПАРЛАМЕНТОВ

В настоящее время парламентаризм в Европейском Союзе находится в состоянии кризиса. Полномочия национальных парламентов государств, объединенных в ЕС, не равнозначны, что вызывает вопрос в условиях расширения полномочий Европейского парламента. Юрген Нейер в своей статье предполагает, что необходим новый подход к укреплению парламентаризма в ЕС, согласно которому необходимо поместить национальные парламенты в «основу конституционного процесса» [1, с. 5-6]. Это можно осуществить с помощью укрепления Конференции сообщества и комитетов по делам парламентов Европейского Союза (далее – КОСАК) и превращение его в конституционный орган с властью для стимулирования развития европейского конституционного строя и соответствующих стратегий.

Последнее время все больше внимания в зарубежной научной литературе уделяется национальным парламентам в Европе. Маастрихский, Амстердамский и Лиссабонский договора наделили национальные парламенты формальными правами и указали их законную роль в европейской системе управления. Согласно решению немецкого Конституционного суда о Маастрихском и Лиссабонском договорах, национальные парламенты являются важнейшей площадкой для обеспечения демократической легитимности. Также подчеркивалось, что именно национальные парламенты должны играть важную роль не только национальной, Нои в политике Европейского Союза. По мнению немецкого суда, национальные парламенты – единственный орган, способный гарантировать соблюдение демократических принципов. Таким образом национальные парламенты обладают политической функцией, которая не может быть осуществлена Европарламентом или любым другим институтом.

Хотя многие исследователи сходятся во мнении, что национальные парламенты должны быть лучше интегрированы в европейскую

многоуровневую систему, но не стоит забывать, что пока еще отсутствует консенсус в вопросе о том, как разделить «многоуровневое парламентское поле» [2, с. 250-252] среди национальных парламентов, Европарламента и Совета Евросоюза. В то время как одни исследователи утверждают, что «парламентские демократии и многоуровневое управление соразвиваются в процессе взаимной перестройки» [3, с. 13] другие утверждают, что парламентаризм в Европе находится в глубоком кризисе [4, с. 2-3].

Таким образом, европейская интеграция сталкивается с серьезным вопросом о месте национальных парламентов в европейском многоуровневом государственном устройстве. Изучение данного вопроса делится на три составляющие. Во-первых, это концепция многоуровневого управления, которая обосновывает данный вопрос с нормативной точки зрения, основанной на личном праве на оправдание. Во-вторых, это различие между вертикальным и горизонтальным понятиями демократии, а также утверждение о том, что «горизонтальная» демократия обеспечивает нормативно привлекательную интерпретацию европейского многоуровневого парламентаризма. В-третьих, важная роль национальных парламентов в горизонтальной концепции европейской демократии, учитывая их активную роль как в рамках европейского управления, так и в формировании европейского конституционального процесса. Далее рассмотрим подробно все три пункта.

Говоря о национальных парламентах, нельзя не подчеркнуть необходимость их внедрения в общую институциональную структуру. Принимая во внимание, что концепт институциональной структуры ЕС опирается на понятия «надгосударственность» и «межправительственность» [1, с. 9-10], можно говорить о трех слоях органов управления: это государственные, межгосударственный и наднациональные. Согласно Краму и Фоссуму, национальные парламенты и Европарламент не должны рассматриваться отдельно друг от друга [5, с. 2-3]. Вместе они образуют комбинированную систему гражданского представительства, в котором европейские граждане имеют свою позицию как на национальном, так и на наднациональном уровне. Оба уровня представительства сосуществуют и дополняют друг друга, не вызывая при этом противоречивые требования с учетом их полномочий.

Более полезной отправной точкой для исследования роли национальных парламентов является различие между горизонтальной и вертикальной интерпретациями многоуровневого парламентаризма. В вертикальной концепции многоуровневый парламентаризм – это понятие для трансформации ЕС в федеративное государство [6, с. 2-3]. Здесь работает идея о том, что Европарламент станет центральным парламентом развивающегося федерального государства как субъекта с полномасштабным верховенством европейского права (над национальными парламентами) в случае противоречащих друг другу положений. Наднациональные системы эффективны не менее и даже более важны, нежели государства-члены автономии. Проблемы с применением данной идеи в Евросоюзе очевидны. Европейский федерализм не учитывает интересы тех, кто подчеркивает, что

демократия по-прежнему находится на национальном уровне, и что полномочия Европарламента, следовательно, должны быть ограничены в рамках институтов Евросоюза. Федерализация многоуровневого парламентского поля приведет к серьезной революции нормативной структуры Евросоюза. Это приведет к устранению национального демократического слоя, расширению прав и возможностей демократически дефицитного Евросоюза, и, скорее всего, потребует принятия новых конституций во многих государствах-членах ЕС.

Альтернативной идеей для интерпретации смысла многоуровневого парламентаризма является использование горизонтальной идеи демократии. Согласно этой идее, Евросоюз не станет квазифедеративным государством, но сохранится метод руководства, направленный на управление демократическими взаимозависимостями [7, с. 351]. Роль ЕС заключается в том, чтобы не вытеснить национальные демократии с новым слоем наднациональной демократии, а в предоставлении инструмента для интернализации внешних эффектов от решений государств-членов и вмешательства в случаях политических неудач.

Национальные парламенты по-прежнему являются единственными учреждениями, в которых демократический суверенитет народа институционализирован и самое видное место, где люди формулируют свои предпочтения и идеи политически эффективным способом. Таким образом, национальные парламенты являются главным кандидатом и наиболее важным элементом в процессе выработки политики для придания заметной роли личностному праву на оправдание.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сказать о том, что национальные парламенты являются институциональной основой любой рабочей демократии. Они являются скрепляющим звеном между правительством и гражданами, а также несут большую часть бремени ответственного правительства.

Литература:

1. Neyer, J. The justification of Europe: A political theory of supranational integration. Oxford: Oxford University Press 2012
2. Crum, B., & Fossum, J. The multilevel parliamentary field: A framework for representative democracy in the EU. *European Political Science Review* 2009
3. Benz, A. Decline or resilience of parliamentary democracies in multilevel governments: Canada and Europe compared. Paper presented at the 82nd Annual Conference of the Canadian Political Science Association. 2011
4. Herzog, R., & Gerken, L.. Von roten Karten und stumpfen Schwertern: Eine Grundsatzkritik des EU-Verfassungsentwurfs. Anforderungen an den zukünftigen Grundvertrag. *Die Welt* 2007, June 19
5. Piattoni, S.. The theory of multi-level governance: Conceptual, empirical, and normative challenges. Oxford: Oxford University Press. 2010
6. Morgan, G.. The idea of a European superstate: Public justification and European integration. Princeton, NJ: Princeton University Press 2005

Баранова С. С.,

*Киевский национальный университет
им. Т. Шевченко, аспирантка*

Ковтун А. С.,

*Киевский национальный университет
им. Т. Шевченко, аспирант*

ОРГАНИЗАЦИОННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ОБЩЕСТВЕННОМ ДВИЖЕНИИ ФУТБОЛЬНЫХ ФАНАТОВ: КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ.

Усиление внимания к «другой стороне футбола» и особенностей организационного взаимодействия на межстрановом кросс-культурном уровне можно связать с двумя аспектами развития современного общества. Во-первых, это – развитие футбола как международного вида спорта и сопровождающих его процессов: коммерциализация, политизация, медиазация (популярность футбола в СМИ и «массовых продуктах» киноиндустрии). Во-вторых, это активизация фанатских движений во всем мире, рост масштабов и многообразия акций, привлечение новых человеческих ресурсов в фан-движения, что, в свою очередь, приводит к росту количества прецедентов и жестокости околофутбольного насилия. Кроме этого, последние события в Украине продемонстрировали значительную роль движения фанатов в общественно-политических процессах.

Понимание сущности организационного взаимодействия, – *под которым подразумевается вид социального взаимодействия, обеспечивающий комплексную, взаимовыгодную и взаимосогласованную связь между субъектами общественных движений спортивного направления* [4, с. 215-218], – позволяет говорить не только о механизмах формирования и воспроизведения этих общественных движений, о ценностно-нормативной составляющей, но и о цели их деятельности и способах ее достижения. Это в свою очередь зависит от накопленных противоречий и несоответствий общественных запросов и современных реалий функционирования спорта и околоспортивной субкультуры.

Социологический анализ организационного взаимодействия можно осуществлять на двух уровнях: микроуровне (взаимодействие между участниками общественных движений спортивного направления) и макроуровне (связь с другими социальными субъектами и социальной средой в целом). Но на современном этапе развития исследований данного явления появляется ряд актуальных проблем связанных с «локальностью» научных интересов их авторов, что проявляется в использовании различных методов сбора и анализа данных, а также поверхностности выводов. Такая ситуация обусловлена рядом факторов. Во-первых, это характер самого объекта исследования. Во-вторых, это ограниченность ресурсов. В-третьих, низкий

научный уровень исследований. В-четвертых, это отсутствие согласованности методологии.

Итак, характерные черты организационного взаимодействия футбольных фанатов разных стран рассматриваются на примере восьми стран: Англии, Аргентины, Бразилии, Италии, Польши, России, Турции и Украины. В основу заложены данные, полученные за счет результатов сравнительного контент-аналитического исследования видеоматериалов (художественных и документальных фильмов), материалов Интернет ресурсов, отдельных оценок ведущих экспертов деятельности футбольных фанатов.

Основные выводы таковы. Для культуры футбольного боленья характерны некоторые общие черты, вне зависимости от национального контекста, а также специфические национальные проявления, что является социально, культурно, политически и экономически детерминированным. Определяющим фактором для объединения членов движения футбольного фанатов становится, как правило, право- или леворадикальная идеология, а любовь к команде выступает лишь как плацдарм для развертывания их деятельности. На разном уровне среди организационных образований проявляется сила связи между ними и клубом.

Как показывает анализ, в организационном взаимодействии фанатского движения можно выделить две большие категории болельщиков: «футбольный фанат» и «обычный болельщик». Существует несколько критериев отнесения болельщика к числу фанатов. Во-первых, это активное посещение домашних матчей команды. Во-вторых, ежегодное осуществление нескольких выездов в другие города. В-третьих, знание и принятие субкультуры футбольных фанатов [3, с. 154 – 173].

Эти критерии являются достаточно общими, но на их основании можно различать фанатов и обычных болельщиков, которые слушают трансляции матчей по радио, читают их перед телевизором или с развитием информационных технологий онлайн. Для них присутствие на матче является не обязательным, но желательным. Им не присущи активные формы переживания или футбольного фанатизма, а также они могут не разделять идеологии футбольных фанатов. Они чаще всего не демонстрируют агрессивного поведения, а единичные его проявления могут быть объяснены употреблением алкоголя во время матчей. В отличие от фанатов они не «живут» футболом.

Свою специфику имеет также организация фанатского движения. Каждое движение состоит из определенного числа сформированных закрытых групп и значительного числа неорганизованных фанатов. Подавляющее большинство таких групп имеет неформальный кодекс, в котором определены обязанности фанатской группы, при несоблюдении которых по отношению к нарушителю применяются санкции, вплоть до исключения. Неорганизованные фанаты в подобные группировки не объединяются, но оказываются охваченными социальными сетями, участвуют в значительной части коллективных действий и, таким образом, не выпадают из движения.

Фан-группы могут принимать различные формы. Среди них встречаются фан-клубы, мобы и фирмы. Фан-клуб – это общество людей, которые объединены общими для всех интересами и особенно одним из них. Как правило каждый футбольный клуб создает собственный официальный фан-клуб, с целью объединения своих фанатов. Моб – это небольшая группа фанатов одного клуба, зачастую объединенная по территориальному принципу. Фирма – это крупное объединение фанатов. Состоит из нескольких мобов. Внутри фирмы разделены права и обязанности каждого члена организации. В отличие от фан-клубов, мобы и фирмы не являются официальными объединениями, хотя ценностно-нормативный принцип образования и интерес, как основа существования и деятельности, сохраняются [1, с. 611–615].

Особенное внимание нужно уделить специфическому движению «Ультрас», которое можно охарактеризовать как движение организованных групп болельщиков для поддержки спортивных команд, главным образом стран Европы и Южной Америки. В условиях современной Украины прослеживается также четкая политическая и милитаристская составляющая. Также важно отметить существование групп футбольных хулиганов, которые прежде всего позиционируют себя с «Ультрас». Хулиганам характерны крайние формы агрессивного поведения, что воплощается в физическом насилии, вандализме и неонацистской идеологии [2, с. 20-25].

По типам «корпоративной» культуры футбольного фанатизма страны можно сгруппировать следующим образом: 1. «Fair play» (Украина, Россия, Польша); 2. «Культура оружия» (в Аргентине и Бразилии, в большей степени огнестрельное, Турция, Польша (команды г. Краков), в большей степени «холодное» оружие); 3. Пабоцентричная культура (Англия); 4. Хореографическая культура (Италия, начинает активно распространяться в Украине и России).

Важно также отметить, что в связи с глобализацией общественного развития и распространения движения футбольных фанатов, пределы данных типов могут расширяться за счет заимствования определенных элементов культуры.

Также были выявлены различные стадии активности фанатских организационных образований: 1) стадия становления (Украина, Россия, Польша); 2) стадия устойчивого развития (Аргентина, Бразилия, Турция); 3) стадия угасания (Англия).

Итак, общим для всех стран является то, что футбольный фанатизм – это прежде определенный стиль жизни, привлекательность которого оказывается для многих одним из главных стимулов к вступлению в фанатские движения. Ценности, которые приобретаются в процессе социализации под влиянием культуры болельщика, становятся доминирующими для их носителей до тех пор, пока не произойдет полная их переоценка в результате, например, изменения социального статуса.

Также, движение футбольных фанатов, при необходимых условиях, является эффективной социальной силой. В этом контексте возникает вопрос о месте этой силы в системе социальных отношений. Футбольные фанаты могут

выступать социальными агентами заинтересованных субъектов, осуществляя свою деятельность в соответствии с чужой волей и интересами. Но также футбольным фанатам характерна и собственная субъектность. Эвристический потенциал и результаты эмпирических исследований организационного взаимодействия представителей футбольных фанатов, таким образом, очень важны для разработки технологий контроля отношений между представителями околоспортивной субкультуры в конкретной социокультурной и политической ситуации.

Литература:

1. Артёмов П. Субкультура футбольных фанатов: опыт социологического анализа / П. Артемов // Методология, теория и практика социологического анализа современного общества: Сб. науч. работ. – Харьков: Издат. центр Харьк. нац. Ун-та им. В.Н. Каразина, - 2003. – с. 611–615;

2. Артьомов П. Субкультура футбольних хуліганів: особливості прояву та соціологічного вивчення на пострадянському просторі / П. М. Артьомов // Український соціум: соціологія, економіка, політика. – № 2-3 (7-8), 2005. – С. 20-25;

3. Илле А. Футбольный фанатизм в России: фан-движение и субкультура футбольных фанатов / А. Илле. – СПб., 1999. – С.154 – 173;

4. Туленков М. В. Теоретико-методологічні основи організаційної взаємодії в соціальному управлінні (соціологічний аспект) / М. В. Туленков. – К.: Каравела, 2009. – С. 215 – 218.

Мартиросян С. А.,

кандидат философских наук, доцент

Кафедра конфликтологии и национальной безопасности

Южного федерального университета

Овруцкая Г. К.

кандидат политических наук, доцент

Кафедра конфликтологии и национальной безопасности

Южного федерального университета

КОНФЛИКТНЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ БРЕНДА ГОРОДА

Одной из особенностей современных тенденций урбанизации выступает ее конфликтогенный характер, обусловленный динамизмом, разнонаправленностью и многообразием составляющих ее типов и форм: концентрация населения в относительно ограниченном пространстве городских территорий, высокая плотность населения, беспрецедентное возрастание биоэкологических рисков, мультикультурность современных городов, многополюсность сфер интересов, потребностей и возможностей разных субкультур и групп населения, виртуализация социального пространства и т.д. Можно сказать, что процесс брендинга городов выступает одной из технологий разрешения подобных противоречий.

Термин «брендинг территории» появился недавно, хотя как процесс давно применялся в обустройстве городов и местностей в плане повышения их

конкурентноспособности, привлекательности и т.д. Термин бренд может относиться не только к товару в узком смысле или услуге, но и к людям (публичным персонам), организациям (компаниям, некоммерческим организациям), местам, городам, другим объектам. В настоящее время существует довольно устойчивое словосочетание «территориальный брендинг» (англ. place branding). Наряду с этим словосочетанием употребляются также «маркетинг мест», «брендинг мест», «брендинг территории», «place marketing», «place promotion».

Впервые термин «брендинг места» употребил в 2002 году Саймон Анхольт - один из ведущих мировых специалистов в области брендинга. Анхольт стал основным разработчиком комплексного, диверсифицированного подхода к брендингу территорий, в противовес специализированному, сфокусированному на каком-то одном аспекте (например, туризме). Анхольт создал концепцию конкурентной идентичности, представив ее в виде шестиугольника, который показывает шесть элементов современного бренда территории: туризм, экспортные бренды, политика, бизнес и инвестиции, культура, люди. Необходимость городского брендинга была обусловлена включением городов в пространство конкурентной борьбы за инвестиционную, туристическую, инфраструктурную, жизнеустроительную, культуроемкую привлекательность.

Современные города поставлены в условия жесточайшей конкуренции за инвестиции, информационные потоки, профессиональные и просто человеческие ресурсы. В таких условиях даже благоприятное или выгодное географическое месторасположение, наличие природных богатств не гарантирует территориям экономический успех и процветание. Поэтому маркетинговые технологии брендинга территории, дающие новую жизнь городу, часто придумывающие или создающие его заново (г. Мышкин, г. Великий Устюг, г. Добрянка), требуют самого пристального внимания, причем со стороны широкого круга специалистов в силу своей междисциплинарности.

Многие эксперты отмечают, что современные технологии территориального брендинга – это инновационные, стремительно развивающиеся технологии. По словам главы центра исследований миграции Оксфордского университета Майкла Кита, приезд в город — это скорее экзистенциальный опыт, чем географический, т.е., человек приезжает в новый мир. Скорость изменения города упрощает интеграцию. Города, которые меняются очень быстро, легче интегрируют мигрантов. Будущее за теми, кто может приспособиться: за гибкими, изменчивыми и умными городами [4].

Помимо результата, большое значение имеет сам процесс разработки и формирования бренда. Так, европейский опыт территориального брендинга основывается на публичном обсуждении и консультациях общественности [3]. Как отмечают эксперты, публичное, открытое, демократичное обсуждение и позволяет создать качественный бренд. Городское сообщество, жители города являются одновременно и носителями, и владельцами, и потребителями будущего бренда, они являются носителями городской идентичности, на основе которой городской бренд и

разрабатывается. Вовлечение городского сообщества обеспечивает принятие идеи бренда, его легитимность, масштаб его коммерциализации [2].

Таким образом, процесс брендинга города с необходимостью включает в себя такую составляющую, как идентичность. Неверно представлять городскую идентичность исключительно как формируемый феномен. Полагаем, городская идентичность – это то, что уже задано всеми специфическими географическими, культурными, этническими, экономическими, политическими особенностями развития данной территориальной общности. С этой точки зрения, брендинг территории начинается именно с этого – с исследований таких особенностей. Анализ источников показывает, что уже на этом этапе могут возникнуть разногласия по поводу понимания различными социальными группами, составляющими социальную территориальную структуру, первостепенности, значимости, адекватности и т.д. тех или иных особенностей, характера идентичности в целом, источников идентичности в частности. Как отмечают эксперты, ключевым элементом городского маркетинга являются трудности определения городской идентичности и ценностей, их восприятие, лояльность целевых групп. Именно этот пункт представляется наиболее проблемным в процессе брендинга города. Как отмечается, совпадение интересов различных социальных групп возможно только в частных случаях и на недолгое время. Между тем объединение интересов и ценностей всех заинтересованных групп составляет обязательное условие эффективного бренда [1].

Другой конфликтный фактор заключается в том, что при выстраивании концепции бренда города необходимо, помимо локальной идентичности и самосознания, опираться на систему общекультурных ценностей страны в целом. В 1913 году Д. Медведев озвучил эту проблему, призвав субъекты РФ воздержаться от чрезмерного продвижения региональных брендов, которое может привести к «региональному сепаратизму». В социологическом исследовании, проведенном в 2013 г. в Республике Дагестан, направленном на изучение факторов, способствующих распространению идей экстремизма и терроризма, авторы делают вывод о несоответствии параметров локальной идентичности общероссийской идентичности. Как отмечается в исследовании, большинство приверженцев экстремистской идеологии в социальной идентификации не показывают свою принадлежность к российскому обществу, идентифицируясь лишь локально (как житель местности), в то время, как приверженцы антитеррористической идеологии прямо относят себя к россиянам [5, с. 123]. Особенно важно учитывать этот фактор в формировании брендов городов национальных республик.

Еще один конфликтогенный фактор брендинга города заключается в определении и привлечении к процессу всех заинтересованных лиц – стейкхолдеров. Однако, как приобрести согласие и поддержку всех релевантных стейкхолдеров, каким образом достичь сбалансированности их участия в общем процессе – остается большим вопросом для отечественных практиков, многие из которых считают, что совпадение интересов различных

социальных групп возможно только в частных случаях и на весьма недолгое время.

С другой стороны, сложен как сам процесс координации усилий участников, так и вопрос их мотивации. Как отмечают эксперты, российский брендинг территорий сталкивается с самыми большими трудностями именно в части мотивации стейкхолдеров [1]. Полагаем, подобные затруднения носят системный характер и обусловлены в первую очередь патерналистским характером межсекторального взаимодействия в России и методологической недоработанностью процесса территориального брендинга. Тем не менее, ведущие российские практики в области территориального брендинга делают акцент именно на активном подключении неформальных самоорганизующихся городских сообществ, таких как, например, экологи, велосипедисты, защитники животных и др. Предполагается, что из всех основных субъектов, потенциально или реально влияющих на развитие города - власть, промышленные предприятия, средний и малый бизнес, жители, - только последние заинтересованы в практическом решении городских проблем [2;6].

Полагаем, подобная проблема партиципации, конечно, важна и требует своего дальнейшего развития, однако этого недостаточно для выстраивания эффективных коммуникаций в ходе формирования бренда города, его продвижения и поддержания. Партиципация работает на уровне двора, квартала, т. е. на объектах такого масштаба, где жители могут принимать ответственные решения, в то время, как на уровне города, требуется иной уровень восприятия, понимания, ответственности и т.д. Как отмечает Е. Чернова, в российских городах сегодня востребована работа с градостроительным конфликтом, а инициативы неформальных городских сообществ используются, как способ подавить и вытеснить конфликт, замаскировать его. Эксперт подчеркивает приоритет гуманистического планирования и отказ от привычного технократического, формально-бюрократического городского планирования [7].

Изменение роли современных российских городов в глобальном контексте, их вовлеченность в конкуренцию, постоянная трансформация городского социокультурного пространства, усиление миграционных потоков, депопуляция и старение населения; проблемы низкого качества городской среды и благоустройства жилья обуславливают потребность в осмыслении феномена городской идентичности жителей города, в формировании бренда города, как системы представлений о городе, как о самостоятельном субъекте, стремящемся к отстаиванию себя, определению себя, претендующем на самостоятельность. Формирование бренда не есть самоцель, но метод повышения качества жизни, формирования и укрепления социальной идентичности людей, которые заинтересованы в развитии города и долгосрочной перспективе комфортной жизни в родном городе.

Литература:

[1] Бритвина И. Б. Брендинг территории: проблема поиска ценностных оснований / И. Б. Бритвина, Л. Э. Старостова // Известия Уральского

федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. — 2014. — № 3 (129). — С. 163-171.

[2] Дубейковский В. Вопрос №13. Как вовлечь жителей в разработку бренда города // CityBranding URL: <http://citybranding.ru/vopros13/> (дата обращения: 05.12.14).

[3] Интервью: главный архитектор Стокгольма о мобильном городе // The Village URL: <http://www.the-village.ru/village/city/architecture/132745-intervyu-glavnyu-arhitektora-stokgolma-o-problemah-i-perspektivah-razvitiya-sovremennyh-gorodov> (дата обращения: 05.12.14).

[4] Кит М. Конфликты с мигрантами — это борьба одних бедняков с другими // The Village URL: http://www.the-village.ru/village/city/city/135965-michael_keith_migration (дата обращения: 05.12.14).

[5] Маркин В.В. Формирование российской идентичности как фактор противодействия идеологии экстремизма и терроризма: региональный аспект/Власть. Выпуск № 6/2014, с. 120-127.

[6] Мурунов С. Как сделать из «пассажира» горожанина // Русская Планета URL: <http://rusplt.ru/society/kak-sdelat-iz-passajira-gorojanina-14174.html> (дата обращения: 05.12.14).

[7] Чернова Е. Почему общественные пространства в России — это имитация урбанистики // The Village URL: <http://www.the-village.ru/village/city/direct-speech/170013-pochemu-obschestvennye-prostranstva-eto-ploho> (дата обращения: 05.12.14).

Черкасова М.С.

аспирант

Российский Государственный Гуманитарный Университет

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛУЖБЫ ЗАНЯТОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ

Проблема социальной защиты населения в сфере занятости особенно актуализируется в кризисные для страны периоды. События на валютном рынке оказали сильное влияние на поведение россиян: ажиотаж в пунктах обмена валют, магазинах разнообразной бытовой техники и автомобильных салонах демонстрирует напряженную социально-психологическую обстановку. Волнения относительно нестабильности качества жизни в стране имеют непосредственную связь с объективно низким уровнем социальной защищенности. В первую очередь, в кризисное время люди боятся потерять работу. По прогнозам экономистов, депрессивное состояние экономики будет неминуемо отражаться на трудовом рынке. Сокращению штата подвержены государственные компании, которым Президентом Российской Федерации было поручено сокращать расходы, крупные промышленные предприятия. [1]. Могут ли сегодня безработные надеяться на непосредственную помощь государства в случае внезапной потери работы?

Термин «социальная защита» впервые был использован в «Законе о социальной защите США» в 1935 г., где было определено обязательное

страхования на случай старости, смерти, инвалидности и безработицы [2]. В России термин стали применять уже в 90-х, с началом перехода к рыночной экономике. Систему социальной защиты принято понимать как совокупность мер, направленных на решение экономических и социальных проблем граждан вследствие невозможности осуществления трудовой деятельности в полном объеме. В советское время подобная функция осуществлялась исключительно государством, обеспечивающим нуждавшихся в помощи граждан. С заменой понятия «социального обеспечения» «социальной защитой» меняется не только смысловой подтекст – индивид все еще находится под защитой, но обеспечивать себя должен самостоятельно, – меняется система функционирования института социальной поддержки.

В условиях рыночной экономики меры помощи имеют как профилактическую, так и компенсационную направленность: это и материальная поддержка в виде пособий и выплат, и социальное страхование, и предоставление льгот, и обеспечение государственными услугами в рамках разработанных программ политики занятости. С институциональной точки зрения социальная защита также представлена сетью государственных учреждений, существующей профессиональной структурой социальных работников, системой их подготовки в высших учебных заведениях.

На структуру занятости влияют многие организации: профсоюзы, различные профильные ассоциации и общественные объединения. Но субъектом реализации политики занятости являются местные центры занятости. В первую очередь, эти учреждения предлагают информационную поддержку относительно ситуации на рынке труда, наличия свободных вакансий, личной профориентации. Также для зарегистрированных безработных предусмотрены социальные выплаты, пропорциональные заработку с последнего места работы. Возможно также выделение материальной помощи, в том числе в виде дотаций за пользование общественным транспортом, услугами здравоохранения, общественного питания, ЖКХ.

По данным Росстата, 25 % граждан в случае потери работы готовы обратиться в государственные учреждения службы занятости населения, но 60 % опрошенных предпочитают пользоваться связями, обращаться к друзьям и родственникам [3]. Услуги негосударственного сектора, то есть кадровых агентств, безусловно, пользуются большей популярностью, в особенности среди россиян с высшим образованием. Но стоит отметить, что эффективность работы коммерческих агентств напрямую связано с социально-экономическим благополучием. В ситуации кризиса, когда работников сокращают, новые вакансии не создаются, кадровому агентству нечего предложить клиентам. Служба занятости, напротив, имеет возможность проявиться как субъект социальной защиты. Непопулярные обычно временные общественные работы начинают рассматриваться безработными гражданами как способ заработка, а на макроуровне помогают поддерживать общий уровень занятости в регионе.

В трудной жизненной ситуации для индивида также меняется ценность пособия по безработице. Максимальный размер пособия составляет 4900

рублей, не достигая уровня прожиточного минимума. По словам аналитика Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования Игоря Полякова, эту «максимальную» сумму получают не более 20% вставших на учет, а средний уровень выплат по России составляет около 1,5-2 тыс. рублей [4].

Существует мнение, что идея повышения пособия сопряжена с опасностью демотивировать безработных, подтолкнуть их к иждивенческой стратегии поведения. Тем не менее, на наш взгляд, намерение Правительства Российской Федерации повышать уровень пособия хотя бы до прожиточного минимума имеет под собой безусловные причины, связанные с повышением общего уровня жизни в стране.

Важно подчеркнуть, что проблема социального обеспечения как компонента социальной защиты, гораздо шире, чем вопрос выделения бюджетных ассигнований на поддержку безработных. Необходим переход от системы пособий, иждивенческих установок к самостоятельности и мотивированности. Меры социальной защиты должны быть продуманы таким образом, чтобы соблюдать грань между двумя крайностями, давая человеку уверенность в будущем и поддержке государства, и в то же время, мотивируя его к индивидуальному развитию. Поэтому проблема лежит как в области социально-психологических стереотипов и менталитета, так и в более приземленной сфере государственной политики.

Частично с данной задачей ежедневно сталкиваются специалисты службы занятости населения, работающие непосредственно с каждым безработным. Поэтому, насколько важен критический взгляд на эффективность деятельности службы занятости как структуры, настолько же ценен индивидуальный подход отдельно взятого работника биржи труда по отношению к клиенту. По нашему мнению, управленческий аспект является более конкретным и пластичным для преобразований, способным менять более сложные поведенческие и ценностные структуры в сознании людей. В это связи исследование эффективности службы занятости как механизма социальной защиты представляется нам крайне актуальным. Планомерная политика в отношении социальных гарантий, в том числе в сфере занятости, положительно влияет не только на социальное самочувствие граждан и их доверие к власти, но, в конечном счете, способствует повышению уровня жизни – одной из важнейших характеристик социально-экономического развития страны.

Литература:

1. В 2015 году россиян ожидают увольнения и отказ от развлечений [Электронный ресурс] // Lifenews . URL: <http://lifenews.ru/news/146864> (дата обращения: 22.12.2014).
2. Роик В.Д. Основы социального обеспечения. М.: Анкил, 2005. С. 13.
3. 1. Социально-экономическое положение России в январе-сентябре 2014 г. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики.

ИНТЕГРАЦИЯ ОПИСАТЕЛЬНО-ДИСКУРСИВНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА «ЧУДАК» И «СНОБ»

Зависимость мировосприятия от языковой формы отмечал Вильгельм фон Гумбольдт, объясняя специфику этнокультурного мировидения отдельностью, индивидуальностью человека: «Поскольку ко всякому объективному восприятию неизбежно примешивается субъективное, каждую человеческую индивидуальность, даже независимо от языка, можно считать особой позицией в видении мира» [1, с. 80]. Именно язык как единственное средство, способное помочь нам проникнуть в скрытую от нас сферу ментальности, способствует определению способа членения мира в той или иной культуре. Именно язык рассказывает нам о человеке такие вещи, о которых сам человек и не догадывается.

Исследование человека в языке представлено как изучение текстов, созданных человеком и характеризующих человека. В.И. Карасик указывает на обязательное присутствие в лингвокультурологическом исследовании элементов субъективного истолкования анализируемой действительности [2, с. 106]. С позиций описания языковой личности нет различия в характеристике реального лица или вымышленного персонажа. Характеристики типажей весьма разнообразны, поскольку проводить типизацию можно по разным основаниям, поэтому представим некоторые описательно дискурсивные характеристики Эркюля Пуаро – известного персонажа детективных романов Агаты Кристи.

Описание поведения Эркюля Пуаро позволяет определить образно-перцептивные характеристики своеобразного лингвокультурного типажа, интегрирующего в себе черты «чудака» и «сноба». Учитывая такие характерные признаки лингвокультурных типажей, как узнаваемость и ассоциативность, рекуррентность, хрестоматийность, широкая узнаваемость, знаковость (символичность), яркость, типичность, прецедентность, возможно допустить, что форма реализации в дискурсе лингвокультурных типажей «английский сноб» и «английский чудака» может быть представлена в виде прецедентного имени Эркюля Пуаро, несмотря на его не английское происхождение. Сугубо внешние признаки лингвокультурных типажей «английский сноб» и «английский чудака» свидетельствуют о редукции образа в имидж, внешние признаки отступают на второй план, важным становится типовое поведение. Заслуживает внимания и социальная характеристика английского сноба и английского чудака.

На первый план выступает такая характерная черта поведения Эркюля Пуаро, как эксцентричность. Ср.: *«Poirot operates as a fairly conventional, clue-based detective, depending on logic, which is represented in his vocabulary by two*

common phrases: his use of «the little grey cells» and «order and method». Irritating to Hastings (and, sometimes, to the reader) is the fact that Poirot will sometimes conceal from him important details of his plans, as in The Big Four where Hastings is kept in the dark throughout the climax. This aspect of Poirot is less evident in the later novels, partly because there is rarely a narrator so there is no one for Poirot to mislead».

Люди, стремившиеся в Англии четко обозначить свой высокий социальный статус, намеренно вели себя эксцентрично. Ср.: 1. *«'First time I've heard you call yourself an imbecile,' I said, grinning. 'I can adopt a role, I hope, as well as anyone,' said Poirot coldly. 'I am sorry you do not think my little fiction well imagined. I was rather pleased with it myself'».* 2. *«Poirot's traveling in the east, as far as I knew, consisted of one journey to Syria extended to Iraq, and which occupied perhaps a few weeks. To judge by his present conversation one would swear that he had spent most of his life in jungles and bazaars and in intimate converse with fakirs, dervishes, and mahatmas».*

Следует отметить некоторые гендерные характеристики в Англии: чтобы прослыть снобом или чудаком мужчина должен совершить резко бросающиеся в глаза эксцентричные поступки, одеваться странным образом, увлекаться необычным хобби, например: 1. *«He skipped out of the room and I followed him. In the hall he picked up his hat, moved to the front door, opened it and shut it again quickly with a bang. Then he tiptoed to the door of the sitting-room and unblushingly applied his ear to the crack. At whatever school Poirot was educated, there were clearly no unwritten rules about eavesdropping. I was horrified but powerless. I made urgent signs to Poirot but he took no notice».* 2. *«Murder is my business. I am like a great surgeon who specializes in – say – appendicitis or some rarer operation. Me, I am like that, too. I say to myself always, "Can this possibly be murder?" And you see, my friend, there is nearly always a possibility».* 3. *«Disregarding my protests, Poirot proceeded to don a fawn-colored overcoat and wrap his neck a white silk handkerchief. Having carefully placed the wetted stamp face downwards on the blotting-paper, we left the room together».* 4. *«Poirot divested himself of his superfluous garments, assured himself that his moustaches were in their proper condition of symmetrical flamboyance and we were then ready to proceed».*

Для полноты структуры исследовательской модели описания лингвокультурного типажа необходимо обратить внимание на такие компоненты, как внешний образ, одежда. Анализируемый материал выявил щепетильность, характерную для сноба, и странность, характерную для чудака, в одежде и внешнем виде Эркюля Пуаро. Ср.: 1. *Disregarding my protests, Poirot proceeded to don a fawn-colored overcoat and wrap his neck a white silk handkerchief. Having carefully placed the wetted stamp face downwards on the blotting-paper, we left the room together.* 2. *"He was hardly more than five feet four inches but carried himself with great dignity. His head was exactly the shape of an egg, and he always perched it a little on one side. His moustache was very stiff and military. Even if everything on his face was covered, the tips of moustache and the pink-tipped nose would be visible.* 3. *The neatness of his attire was almost incredible; I believe a speck of dust would have caused him more pain than a bullet wound. Yet*

this quaint dandified little man who, I was sorry to see, now limped badly, had been in his time one of the most celebrated members of the Belgian police”.

В социологическом плане каждому лингвокультурному типу присуще выполнение или воплощение определенной роли как поведения, определяемого названием, социальным статусом, выполняемой функцией в системе социальных отношений, ожиданиями. Ролевое поведение Эркюля Пуаро соединяет привычки, типичные как для сноба, так и для чудака. Ср.: 1. *Poirot had a particular routine when opening his morning correspondence. He picked up each letter, scrutinized it carefully and neatly slit the envelope open with his paper cutter. Its contents were perused and then placed in one of four piles beyond the chocolate-pot. (Poirot always drank chocolate for breakfast – a revolting habit). All this with a machine-like regularity.* 2. *‘You see, I know your methods, Poirot. If you read a letter through twice it must mean that it is of special interest’.* 3. *Poirot divested himself of his superfluous garments, assured himself that his moustaches were in their proper condition of symmetrical flamboyance and we were then ready to proceed.*

В активно проявляемой аристократической самооценке Эркюля Пуаро нам видится эксцентричность, которая является характеристикой поведения высокопоставленных должностных лиц девятнадцатого столетия. Ср.: 1. *Poirot is also willing to appear more foreign or vain than he really is in an effort to make people underestimate him. He admits as much: “It is true that I can speak the exact, the idiomatic English. But, my friend, to speak the broken English is an enormous asset. It leads people to despise you. They say – a foreigner – he can't even speak English properly. [...] Also I boast! An Englishman he says often, “A fellow who thinks as much of himself as that cannot be worth much. [...] And so, you see, I put people off their guard’.* 2. *‘Mon ami – you know my suspicious nature! I believe that nothing that anyone says unless it can be confirmed or corroborated’.*

Внешняя необычность Эркюля Пуаро органично сочеталась с ее внутренним своеобразием. Ср.: *«He was hardly more than five feet four inches but carried himself with great dignity. His head was exactly the shape of an egg, and he always perched it a little on one side. His moustache was very stiff and military. Even if everything on his face was covered, the tips of moustache and the pink-tipped nose would be visible. The neatness of his attire was almost incredible; I believe a speck of dust would have caused him more pain than a bullet wound. Yet this quaint dandified little man who, I was sorry to see, now limped badly, had been in his time one of the most celebrated members of the Belgian police»* (http://en.wikipedia.org/wiki/Grey_matter).

Одной из характерных особенностей проявления снобизма является такая фонетическая особенность речи, как сокращения [3, с. 230]. Это свойственно и для речи англичан. По данным нашего исследования, в речи Эркюля Пуаро такая особенность не выявлена. Напротив, он употребляет полные конструкции. Это наводит нас на мысль о нарушении нормы и даёт нам возможность предположить, что использование Эркюлем Пуаро полных конструкций на фоне речи Гастингса можно считать чудаковатостью.

Лингвокультурный типаж является особым типом лингвокультурных концептов, когда важнейшие характеристики представлены в типизируемости определенной личности, значимости этой личности для лингвокультуры, возможности ее как фактического, так и фикционального существования, ее упрощенной и карикатурной репрезентации.

Следовательно, ассоциативный ореол типажей «английский сноб» и «английский чудака» на примере Эркюля Пуаро имеет явно выраженную социальную специфику. Сноб как лингвокультурный типаж вариативен, поэтому, в силу индивидуальных особенностей, а также принадлежности к определенному классу снобов, в имидже Эркюля Пуаро ярко проявляются типологические черты лингвокультурологического типажа «чудака».

Лингвокультурный типаж как типизируемая личность, как представитель определенной этносоциальной группы узнаваем по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации. Эркюль Пуаро является прототипным образом и выступает в качестве основы для создания лингвокультурного типажа «сноба» и «чудака», обобщает характеристики реальных людей определенной эпохи.

Литература

Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 398 с.

Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс // В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

Коровина, А.Ю. Лингвокультурный типаж «сноб» в английской художественной литературе / А.Ю. Коровина // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 223–233.

Лобазова О.Ф.

д.ф.н.,

профессор РГСУ (Москва)

МИФОЛОГИЧНОСТЬ И ПРАКТИЦИЗМ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ: ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ

Формально словосочетание «массовое сознание» стало встречаться в научной литературе начиная с середины XIX века. В качестве специального термина его начали употреблять в 30-х годах XX века. Но настоящий интерес отечественных исследователей к феномену массового сознания возник в 80-е годы XX в.[1] и развивается до сих пор [2] в соответствии с характером общественного развития.

Носителем массового сознания, в соответствии с принятыми в отечественном обществознании концепциями, является особенный субъект социальной жизни – народные (трудящиеся) массы, которые выступают в качестве важнейшего элемента производительных сил. Решающая роль народных масс проявляется, прежде всего, в главной, определяющей сфере жизни общества – в сфере производства материальных благ, поэтому наибольший «объем» в общем числе идей массового сознания занимают идеи, описывающие экономические отношения – сферу труда и распределения, критерии успеха и прибыли. Именно в этом пространстве явственно обнаруживается единство изначально противоречивых трендов – мифологичности и практицизма (здравомыслия).

Приведем небольшой пример. Православная церковь чтит память святого мученика Трифона Фригийского, который, по преданию, изгнал из родного города вредных пресмыкающихся и насекомых, и даже изгнал беса из дочери римского императора. Верующим предписано обращаться к с.м. Трифону за исцелением от особого рода недугов. Но к иконе с.м. Трифона в московском храме Знамения Божьей Матери (на «Рижской») выстраиваются длинные очереди для того, чтобы попросить удачи в финансовых и служебных делах. В данном случае в массовом сознании достаточно давно (со времен Ивана Грозного) образ мученика из Фригии слился с образом царского сокольничего Трифона Патрикеева, который пережил тяжелый кризисный момент в своей карьере и вышел из него без ущерба не только для жизни, но и для материального положения.

Таким образом, миф, в котором отражены наиболее насущные потребности трудящихся масс в упорядоченности и предсказуемости деятельности по обеспечению благосостояния, оказался сильнее мифа, отражающего серьезные, но не часто встречающиеся проблемы. Практицизм, то есть способность акцентировать сознание на решении наиболее важных задач насущного бытия, оказал свое влияние и трансформировал (перенаправил) культовые действия. Однако и потребность в существовании мифа осталась и была реализована в

модифицированном представлении о функциях иконы мученика – тезки исторического персонажа.

Другой пример также связан с особенностями поведения московского населения. Православная церковь учит своих последователей, что сущностью главного праздника христиан – Пасхи – является стремление к единению со Спасителем, утверждение веры в вечную жизнь и воскресение из мертвых. Ритуалы и обряды этого праздника, конечно, содержат поминовение усопших, но не в таком широком масштабе, как это происходит на практике. Еще на исходе советских времен городские власти в пасхальные дни стали организовывать массовые выезды горожан на кладбища. Продолжается эта практика и сейчас. Но если в 80-90 года XX века подобные мероприятия носили характер уступки (со стороны властей) и были своеобразным способом выразить протест (со стороны населения), то в наши дни, утратив эти черты (ведь теперь нет необходимости в таком выражении готовности к компромиссу или протесту), основаны на других причинах. Для власти основанием для организации массовых пасхальных выездов служит активно выражаемое стремление населения воспользоваться предлагаемыми бесплатными и платными услугами. На этот период приходится активизация сопутствующего бизнеса и инспекция порядка профильных объектов. Для населения же основанием служат не очень давняя, но яркая традиция, в которой воплощается возможность совместного (объединяющего и спланивающего), одноразового, но значительного (освобождающего от других действий в течение года), минимально затратного (экономически выгодного) действия, которому выполняющие его люди приписывают культовый характер. Миф и здравый смысл снова объединились.

Это отражает единство и борьбу противоположных свойств массового сознания. В целом, в качестве неотъемлемых черт массового сознания можно назвать и другие парные характеристики, сформулированные на основе принципа диалектического единства противоположностей: 1) эмоциональность – рассудочность; 2) фрагментарность – цельность; 3) универсальность – односторонность; 4) нравственность – циничность; 5) ригидность – лабильность; и, наконец, 6) практицизм (здравомыслие) – мифотворчество.

Первая пара «эмоциональность – рассудочность» описывает психологический фон принятия тех или иных идей, охватывающих массовое сознание, способ восприятия информации и выработки резюме. С одной стороны, мнения, идеи, содержащиеся в распространяемой информации, проникают в сознание на волне эмоционального отношения (негативного или позитивного) как к сути информации, так и к источнику её распространения. Но столь же вероятно, с другой стороны, внедрение некоторых идей, отражающих оценку явлений и процессов на основе критерия «выгодности – невыгодности», где эмоции уступают место трезвому расчету и следуют за ним в качестве реализации этого расчёта.

Вторая пара «фрагментарность – цельность» описывает степень отражения в массовом сознании всех сторон жизнедеятельности общества. Для массового сознания нет пределов и границ для интересов, которые продиктованы

проблемами, воспринимаемыми в данный конкретный момент как актуальные. В этом цельность массового сознания. Фрагментарность же массового сознания проявляется в том, что смена представлений, предпочтений в актуализированных идеях не подчиняется логике познавательной и преобразующей деятельности, которую массовое сознание пытается отразить.

Третья пара «универсальность – односторонность» описывает степень отражения в массовом сознании всех способов познания жизни природы и общества (научного, вненаучного, религиозного, мистического и т.д.). Универсальность в этом случае проявляется в том, что массовое сознание свободно пользуется для конструирования идей и мнений всеми доступными ему результатами познавательной деятельности, соединяя и нивелируя их до такой степени, когда они приобретают согласованный, непротиворечивый вид. Односторонность проявляется в том, что в массовом сознании порой отбираются и интегрируются идеи, выводы, обобщения, которые противоречат основной цели – созданию общепринятого объяснения тому или иному явлению.

Четвертая пара «нравственность – циничность» описывает степень совпадения мнений, оценок, суждений, идей массового сознания с моральными постулатами различных уровней – общечеловеческих, национальных, корпоративных, групповых и других этических кодексов. Массовое сознание отражает нравственные ориентиры общества, основанные на идеалах справедливости, гуманизма, добра, самопожертвования, чести и долга в том случае, когда субъектом истории является народ. Если на смену народу приходит население, то массовое сознание отражает нравственные ориентиры, основанные на соображениях выгоды, эгоизма, индивидуализма, то есть является по существу циничным и прагматичным.

Пятая пара «ригидность – лабильность» описывает способность массового сознания к изменениям, взаимодействие и взаимовлияние стереотипов и новообразований, а так же психологические механизмы смены настроений. Эта характеристика наиболее ярко описана в социологии как «изменчивость – окостенелость», но использование психологических терминов представляется наиболее оправданным, так как именно от психологических механизмов массовидных явлений зависит скорость смены ориентиров в массовом сознании, или, наоборот, стереотипизация и стабилизация представлений.

Шестая пара «здравомыслие – мифотворчество» описывает способы и результаты установления причинно-следственных связей при выработке тех или иных идей. Здравый смысл – это совокупность общепринятых способов объяснения и оценки наблюдаемых явлений мира, в которой собираются необходимые в повседневности известные способы преобразования действительности. Реальная жизненная стратегия, основанная на здравом смысле, или рациональность поведения, зависит от социально-экономического статуса и индивидуального жизненного ресурса человека. Чем выше статус, тем рациональнее решения, особенно экономические. Это означает, что при низком социальном статусе образуется порочный круг вынужденно иррационального поведения. И это мало объяснимо уровнем информированности или

компетентности. Чем меньше объективная потребность в дополнительном благе, тем больше возможность рационально распорядиться им. Чем настоятельнее потребность в чём-либо, тем иррациональнее надежды, которые неизбежно будут обмануты, но без них невозможно жить. Эти представления, не полностью адекватные бытию, как бы «обволакивают» реальное бытие, потому могут быть названы «трансцендентными бытию», «нереальными». Они не могут быть реализованы при данном общественном порядке, жить по ним в данном социальном устройстве невозможно. Но они содержат надежды и мечты, идеалы, без которых жизнь человека теряет осмысленность.

Здравый смысл и миф мирно уживаются в массовом сознании. С одной стороны, потому, что современный миф более дробен и, в связи с этим, более приближен к действительности, «похож» на здравый смысл. С другой стороны, потому, что здравый смысл часто использует случайный набор знаний, неполную информацию о явлениях, причинно-следственных связях и т.д. И по этой причине здравый смысл становится «похож» на миф.

Кризисные явления в экономике страны порождают в людях неуверенность в себе и в своем будущем, заставляют их искать самые различные варианты сохранения материального положения и статуса. Вместе с наплывом желающих совершить сделки с валютой, купить или продать товары и услуги, наблюдается рост обращений в храмы, в конкретным святыням, за определенными обрядами. Финансовый и экономический кризис приводит в ряды прихожан представителей бизнеса, управления, культуры.

Практицизм «подсказывает» – надо использовать все доступные средства. Религиозно-мифологическая компонента сознания указывает на церковный обряд как на полноправное средство достижения жизненного успеха. Взаимно влияя друг на друга, практицизм и мифологичность, меняют друг друга. Практицизм становится все более плюралистичным, допуская в свое пространство такие способы решения задач, которые несут характер неопределенности и даже непредсказуемости и вытесняют строго рациональные методы. С другой стороны, религиозно-мифологическая составляющая массового сознания насыщается новациями, ведущими к изменениям некоторых элементов культовой и внекультовой деятельности, парадоксальному синтезу научных и вненаучных представлений.

Список литературы:

1. Грушин Б.А. Массовое сознание: опыт определения и проблемы исследования. – М.: Политиздат, 1987; Дубинин И.И., Гусяков Л.Г., Гусякова Л.Г. Динамика обыденного сознания. – М.: МГУ, 1985; Сергиенко П.А. Массовое политическое сознание. – Киев, 1991.

2. Алимаева О.И. Роль массовой культуры в глобальном мире: современные представления // Гуманитарные науки, культура и образование: Актуальные проблемы современности. – Саратов, 2006. – С.120-123; Гобозов И.А. Охлос и демократия // Философия и общество = Philosophy a.society. – М., 2006. – №4. – С.5-19; Ерофеева К.Л. Противоречия современного информационного общества. // Человек и общество в противоречиях и согласии. – Н.Новгород, 2006. – Ч.2. – С.76-82; Рязанова Н.Ю. Массовое

сознание и массовая коммуникация // Россия и мир: вчера, сегодня, завтра: Проблемы психологии и межкультурной коммуникации. – М., 2007. – С.187-199; Старобровский А.Д. Процесс омассовления и коллективизации сознания как бессознательный процесс // Человек. Природа. Общество. – СПб., 2006. – Ч.1. – С.160-163.

Лобастова В.А.
к.ф.н., доц. СПбГУ

СОЗНАНИЕ В ЕДИНСТВЕ СТАТИКИ И ДИНАМИКИ

Сознание всегда привлекало пытливым взор философов своей загадочной и неуловимой природой. Кажется, что сфера сознания необъятна, ведь сознание обладает богатым и многогранным содержанием. Однако четкого проведения границы требует строгое различие: что может быть осознано, а что сознательным назвать невозможно. В трактате «Психология с эмпирической точки зрения» (1874) Франц Brentano формирует дескриптивную модель сознания, в которой раскрывается его синтетическая структура.

Часто понятие *сознание*, понимаемое как *совместное знание*, ограничивают феноменами познания, отождествляя тем самым сознание с мышлением. Однако Brentano использует понятие *сознание* в более широком смысле, уподобляя его психическому феномену или акту. В своем переживании сознание указывает на осознаваемый объект, поэтому в сознании этот объект существует интенционально. Таким образом, сознание представляет собой совокупность психических феноменов, среди которых нет ни одного психического феномена без относящегося к нему сознания. Это означает, что сознание всегда предметно, и бессознательные представления отсутствуют в сфере психического опыта.

Деятельность сознания проявляется в многообразии модусов (или способов) переживаний содержания психического акта. Это многообразие модусов выражается в неоднократном осознании одного и того же предмета психического акта. И такое осознание имманентного предмета происходит в психическом акте одновременно. При схватывании одновременного пребывания многообразных способов переживаний одного и того же предмета в психическом акте обнаруживается единство сознания. Иначе говоря, когда интенция сознания направляется на саму эту одновременность переживаний, представленных в психическом акте, она констатирует в качестве своего предмета единство сознания. Все психические феномены, находящиеся в имманентном опыте, переживаются как совместно существующие. Тем самым они, будучи частичными феноменами, составляют целостный феномен, который соответствует единству сознания.

Конечно, в психическом акте не всегда присутствуют все возможные способы переживаний, однако представление, как основополагающий способ интенционального отношения к предмету, должно быть с неизбежностью, ибо сознание предмета, интенционально в нем существующего, начинается именно с его представления. Представление предмета с необходимостью не влечет за

собой познание, а также, возможно, и желание этого же самого предмета, а всего лишь только допускает такую возможность, ибо служит основанием как для познания, так и для желания, а также для всех других способов интенциональных переживаний. Сама же возможность последующих за представлением других способов переживаний, как например, познания, сомнения, желания, воления, оценки и так далее, конституирует открытый горизонт единого сознания или бесчисленных многообразных способов переживаний одного и того же имманентного предмета, выступающих в виде непрерывного потока переживаний.

Акты ощущения, в которых чувственное содержание преобразуется в имманентный предмет психического акта, тоже могут переживаться одновременно. Хотя акты ощущения также относятся к единому сознанию в качестве частичных феноменов, но они не могут конституировать единство сознания, подобно представлению, познанию, желанию и другим возможным способам потенциальных переживаний в акте рефлексии. Эти акты не способны продемонстрировать то особое отношение, которое имеется между представлением и познанием, представлением и желанием, познанием и желанием и так далее. Одновременное переживание видения и слышания как составной комплекс ощущений схватывается в акте внешнего восприятия, а затем уже в виде имманентного предмета сопровождается представлением и, возможно, каким-либо другим способом переживания в акте рефлексии. Природа же представления, познания, желания, как конститутивных моментов акта рефлексии, идеальна, как и идеально по своей природе само сознание, и не допускает никаких смещений с чувственным содержанием, переживаемым в акте ощущения. Всякое чувственное содержание присутствует в сознании в виде содержания, преобразованного в имманентный предмет, который по своей природе также является идеальным, как и сознание. “Я могу желать что-то только тогда, когда и до тех пор, пока я это представляю; но я могу это представлять, одновременно это не желая. Так я, возможно, уже долгое время это представлял, когда я только начал это желать, и мое желание может прекратиться или также превратиться в противоположное желание, в то время как мое представление всегда еще остается направленным на это. Из видения и слышания выступает либо то, либо это, а если они существуют одновременно, то исчезает одно, в то время как другое продолжает существовать. Между видением и слышанием ничего не обнаруживается от взаимного переплетения, как между тремя моментами внутреннего сознания, из которых каждое относится к каждому как к своему предмету”[1. S.207]. “Если кто-то нечто представляет и желает, или если кто-то одновременно представляет несколько первичных объектов, то он познает не только одну и другую деятельность, но также познает их одновременность. Кто слушает мелодию, тот познает, что он один тон представляет в настоящем, другой тон представляет в прошлом; кто познает, что он видит и слышит, познает также, что он одновременно делает и то и другое”[1. S.210].

Итак, своеобразием сознания, как имманентной сферы психического опыта, выступает единство сознания, которое может конституироваться только

в рефлексивном акте. Именно синтетическая структура сознания позволяет переживать имманентный предмет как представленный, познанный и даже желанный в одном и том же акте одновременно. Со своей стороны эти разнообразные способы переживаний имманентного предмета в одном и том же акте конституируют одновременно *само сознание* как единое целое, которое охватывает всевозможные модусы переживания и удерживает их в виде своих неоднородных частей в синтезе.

Все психические состояния, составляющие единство сознания, выступают в виде тесно переплетенных друг с другом частей этого единого сознания. Связанность психических состояний сознания может конституироваться либо в виде единства идентификации акта внешнего восприятия и сопровождающего его внутреннего представления, либо в неоднократном осознании одного и того же предмета различными способами интенциональных переживаний, которое осуществляется благодаря представлению как основополагающему способу для всех возможных переживаний предмета имманентного опыта.

Все эти виды связанности психических состояний подчеркивают статичный характер единства сознания, ибо указывают на одновременность своего протекания. Однако единство сознания можно рассмотреть и в его динамике в виде единого потока переживаний благодаря тому, что в сознании присутствует еще один конститутивный момент, а именно имманентное время сознания. Имманентное время обладает длительностью, а потому психические состояния сознания выступают не только одновременно, но и последовательно, сменяя друг друга.

Имманентное время представлено в сознании в трех своих модусах: настоящее, прошлое и будущее. Модусы имманентного времени сознания сами по себе равноценны и никоим образом не могут быть смешаны друг с другом так, чтобы настоящее хотя бы отчасти пребывало в прошлом или будущее присутствовало в настоящем. Однако переживание непрерывной последовательности протекания психических состояний сознания указывает на то, что модусы имманентного времени не изолированы друг от друга полностью, а с необходимостью связаны друг с другом таким образом, что именно эта связь модусов имманентного времени позволяет конституировать единство сознания в виде непрерывного потока интенциональных переживаний. Интенциональные переживания направлены на имманентный предмет или интендируют его в сознании. И если в модусе настоящего этот интендируемый объект *конституируется*, то в модусе прошлого он *воспроизводится* как тот же самый интенциональный объект, конституированный в настоящем. Континуальный ряд переживаний в памяти обычно содержит пробелы, иногда восполняемые, но чаще всего нет.

Именно благодаря идентификации интенционального объекта, пережитого в различных модусах имманентного времени, единство сознания конституируется как непрерывный поток психических феноменов, переживаемых в сознании. Однако идентификация, которая может пониматься как совпадение имманентного предмета, конституированного в настоящем, и имманентного предмета, воспроизведенного в прошлом, не может быть

адекватной, ибо сама идентификация конституируется в памяти. Неадекватность идентификации получается вследствие того, что непосредственное и очевидное познание свойственно только внутреннему восприятию, конституирующему психические феномены, переживаемые в сознании в настоящем. Тогда как знание о тех же самых психических феноменах, воспроизводимых в сознании в прошлом, может быть только опосредованным. Такое опосредованное познание осуществляется в памяти, которая, как известно, не очевидна в силу неточного или смутного переживания. Ожидание или предвосхищение психических феноменов, которые, вероятно, могут переживаться в сознании в будущем, также дает опосредованное знание о них, аналогично памяти.

Итак, понимание сознания как единого потока интенциональных переживаний, осуществляется с помощью конститутивных моментов, присущих самому сознанию. Среди этих конститутивных моментов весьма значительную роль играет имманентное время, которое пронизывает все единство сознания в целом. Модель сознания, разработанная в дескриптивной психологии Франца Brentano, находит свое структурное развитие в феноменологической философии Эдмунда Гуссерля, его ученика.

Литература

1. Brentano F. Psychologie vom empirischen Standpunkt. Leipzig, 1874.

Мустаева А. С.

*Аспирант кафедры межкультурной коммуникации,
лингводидактики, педагогических технологий обучения и воспитания
ПГЛУ г.Пятигорск*

АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕТОДА ЭКСПЕРИМЕНТА В ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Актуальность исследования эксперимента в этнопедагогических исследованиях обуславливается недостаточной разработкой его методологии (теоретических основ).

Интенсивность эмпирического (опытного) развития этнопедагогике в течение последних 20 лет обусловила защиту большого числа диссертаций прикладного характера, где обязателен эксперимент. Анализ в этнопедагогических диссертациях, выполняющихся в вузах СКФО (ФГБОУ ВПО «Чеченский государственный университет», ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный университет», ФГБОУ ВПО «Ингушский государственный университет», ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет», ФГБОУ ВПО «Ставропольский государственный университет») отразил прерогативу авторских методик при выполнении эксперимента, заимствование таких методик из психологии, социологии, этнологии, общей педагогики без учета этнопедагогической специфики, отсутствие единого алгоритма проведения эксперимента и его методологических стандартов. Это обстоятельство приходит в противоречие с высокими методологическими требованиями, предъявляющимися к современным диссертациям.

Эксперимент как метод представляет собой приёмы, процедуры и операции эмпирического и теоретического познания и изучения явлений действительности. Система метода исследования определяется исходной концепцией исследователя, его представлениями о сущности и структуре изучаемого, общей методологической ориентации, целей и задач конкретного исследования [1, с.141].

Этнопедагогика, являясь отраслевой педагогической дисциплиной, в своих исследованиях пользуется, прежде всего, традиционными общепедагогическими методами и методами учитывающие особенности ее предмета. Методы научного этнопедагогического исследования – это способы получения информации, которая нужна для установления закономерностей, отношений и зависимостей в этнопедагогическом процессе.

Методы этнопедагогического исследования разрабатываются на основе изучения методов педагогики, этнологии, этносоциологии, этнопсихологии, этнокультуры, а также инструментария разработки межнаучных и междисциплинарных связей этнопедагогики.

В настоящее время наиболее специфическими общепринятыми для этнопедагогики являются эмпирические и теоретические методы, образующие его эмпирический и теоретический уровни [2, с.151].

На эмпирическом уровне исследования используются такие методы, которые непосредственно связаны с практикой, и позволяющие накопить, зафиксировать и обобщить полученный практический материал [3, с.25]. К этому уровню относят *наблюдение, сравнение, эксперимент*.

Наблюдение характеризуется целенаправленным восприятием какого-либо явления, его можно определить как метод сбора информации путем непосредственного изучения явления в его естественных условиях. В процессе наблюдения исследователь проводит непосредственную и целенаправленную фиксацию фактов в результате, которого исследователь получает конкретный фактический материал. Процедура наблюдения проводится по разработанному плану и характеризуется рядом особенностей:

- определение цели и задачи исследования (с какой целью? для чего?);
- точное определение объекта и предмета наблюдения (что наблюдать?);
- планомерность (действие по плану);
- выбор способов фиксации фактов (фиксация взглядов на поставленной задаче; как вести запись?);
- активность (привлечение накопленных знаний, технических средств);
- обработка и интерпретация полученной информации (каков итоговый результат?).

Следует отметить, что наблюдение в этнопедагогике направлено на субъективно - объективное отражение воспитательных обычаев и традиций и интерпретируется как фрагмент реальности, знание об объекте, достоверность которого не вызывает сомнения.

Сравнение представляет собой метод сопоставления объектов целью, которой является выявление сходства и различия между ними. С помощью сопоставления объектов и установления их различий можно определить общие

закономерности, тенденции развития и этнические особенности систем воспитания различных этносов.

Эксперимент – это метод исследования некоторого явления в искусственно созданной обстановке, целью которой является изучение причинно-следственных связей. Эксперимент строится по специально разработанной исследователем программе и предполагает выполнение ряда условий:

- исследователь сам стимулирует возникновение и проявление исследуемого явления;
- исследователь может варьировать, изменять условия, при которых проходит явление;
- исследователя есть возможность неоднократно воспроизводить результаты.

Результаты эксперимента всегда интерпретируются с точки зрения определенной теории.

Теоретический уровень этнопедагогического исследования опирается на абстрактное мышление. Теоретический уровень не предусматривает непосредственное практическое взаимодействие с объектом. На данном уровне объект может изучаться только опосредованно, в мысленном эксперименте, но не в настоящем. Мысленный эксперимент предполагает оперирование идеализированным объектом, которое заключается на подборе тех или иных ситуаций, позволяющих обнаружить какие-то важные особенности исследуемого объекта. Именно в этом проявляется определенное сходство мысленного эксперимента с реальным экспериментом. Кроме того, реальный эксперимент, перед тем как будет осуществлен на практике, исследователем сначала «воспроизводится» мысленно в процессе его обдумывания и планирования. Вместе с тем, в науке мысленный эксперимент играет и самостоятельную роль, сохраняя свое сходство с реальным экспериментом и в тоже время существенно отличая от него.

Основными элементами теоретического уровня являются: *аксиоматический метод, историко-педагогический метод, гипотетико-дедуктивный метод, метод идеализации, метод сравнения и обобщения.*

Аксиоматический метод предполагает такую систему, которая не требует доказательств, поскольку они являются очевидными. Аксиоматический метод позволяет получать новое знание, путем логической дедукции, обеспечивая точность исследования.

Большое внимание уделяется *историко-педагогическому методу* в этнопедагогических исследованиях. Историко-педагогический метод опирается на определение целей, предмета и задач исследования, развитие педагогических представлений и воспитательной практики народа в разные периоды его этногенеза, а так же на выявление истоков и основных направлений генезиса этнопедагогики.

В настоящее время в современной науке чаще всего действует *гипотетико-дедуктивный метод*. Гипотетико-дедуктивный метод основывается на строении научной теории и на гипотезах. Гипотетико-дедуктивный метод предполагает процессы совершенствования и развития гипотетических конструкций науки в

результате их сопоставления с эмпирическими данными.

Метод идеализации представляет собой создание мысленных объектов и их изменений в соответствии с целями исследований. В результате таких изменений могут быть исключены из рассмотрения реальные свойства объекта, придавая свойства не присущие объекту. Упрощенные с помощью такой процедуры, каждый из этих идеальных объектов могут выступать в качестве модели, изучая такие свойства которой, по аналогии делают вывод о свойствах исходного объекта. Такой метод в этнопедагогических исследованиях позволяет определить национальный идеал воспитания личности и систему его достижения.

Метод сравнения и обобщения в этнопедагогическом исследовании включают в себя обработку и интерпретацию библиографических указателей, историографических, этнографических и фольклорных изданий, археологических материалов.

Упоминание об эксперименте как методе верификации авторской этнопедагогической технологии (модели, проекта) содержится в монографиях Ш.М-Х. Арсалиева «Методология современной этнопедагогике». М.: ГелиосАРВ, 2013; М.Х. Мальсаговой, В.В. Лезиной Этнопедагогическое исследование: методология и методика реализации. Пятигорск: ФГБОУ ВПО ПГЛУ, 2014. Специальных фундаментальных исследований, посвященных названной проблеме, в отечественной педагогике до сих пор не проводилось, что приходит в противоречие с исследовательской практикой. Однако мы установили, что без четкого определения методологических убеждений невозможно грамотно, результативно и качественно провести этнопедагогическое исследование. Так как четкое определение методологических позиций позволяет прочно усвоить способность к научному обоснованию, методов познания.

Ш. М-Х. Арсалиев в монографии «Методология современной этнопедагогике» рассматривает проблему формирования методологических оснований этнопедагогике в контексте современной картины мира. Ш. М-Х. Арсалиев отмечает, что методология современной этнопедагогике опирается на теоретический и практический опыт этнопедагогов прошлого и настоящего, также на законы постнеклассической научной парадигмы [4].

В монографии рассматривается проблема формирования методологических оснований этнопедагогике в контексте современной картины мира. Методология современной этнопедагогике опирается на теоретический и практический опыт этнопедагогов прошлого и настоящего, а также на законы постнеклассической научной парадигмы. Представленные теоретические и практические основы разработки и реализации этнопедагогических технологий способствуют развитию этнопедагогике как науки, вносят вклад в формирование и успешное функционирование поликультурного образовательного пространства как залога укрепления межнациональных и межкультурных связей.

В монографии «Этнопедагогическое исследование: методология и методика реализации» М.Х. Мальсагова, В.В. Лезина отмечают, что процедура

верификации в этнопедагогической проектной деятельности объединяет целевое наблюдение и эксперимент [5]. Эксперимент включает теоретический, методический, опытный, аналитический этапы и может быть естественным, лабораторным, длительным, кратковременным, констатирующим, формирующим, преобразующим, изолирующим, контрольным. Верификация этнопедагогического исследования предполагает его эмпирическую или экспериментальную апробацию.

Этим объясняется актуальность комплексной (с привлечением данных смежных наук) разработки теоретических основ эксперимента в этнопедагогических исследованиях.

Ссылки:

1. Бим-Бад Б.М. Педагогический энциклопедический словарь. — М., 2002, с.141.
2. С.И. Брызгалова. Введение в научно-педагогическое исследование: учебное пособие/ С.И. Брызгалова – 3-е изд., испр. и доп. – Калининград: КГУ, 2003, с.151.
3. Мамзин А.С. История и философия науки. Учебное пособие для аспирантов. СПб. 2008, с.25.
4. Ш.М-Х. Арсалиев «Методология современной этнопедагогике». М.: ГелиосАРВ, 2013.
5. М.Х. Мальсагова, В.В. Лезина Этнопедагогическое исследование: методология и методика реализации. Пятигорск: ФГБОУ ВПО ПГЛУ, 2014.

Прозерский В.В.

*доктор философских наук,
Санкт-Петербургский
государственный университет,
профессор*

ПЕРЕОСМЫСЛИВАЯ ЭСТЕТИКУ ЗАНОВО

В настоящее время настойчиво повторяется мысль о кризисе эстетики. Это объясняется тем, что красота и искусство, в том виде, в каком они реально существуют в современной культуре, больше не подходят под определения, которые давала им классическая эстетика. Искусство потеряло статус носителя красоты, вырвалось за рамки отведенной для него классической эстетикой автономности, границы между художественной и нехудожественной сферой нарушились, а в самом арт-мире традиционное деление видов искусства на пространственные и временные оказалось несостоятельным.

Выход из кризиса требует расширения горизонта эстетики, реализации ее неиспользованных возможностей, которые, были намечены в момент ее рождения, но затем упущены. Поэтому стоит вновь обратиться к «отцу-основателю» эстетики А.Баумгартену, чтобы посмотреть, не было ли в его идее эстетики как науки и одновременно искусства чувственного - «красивого познания» (*ars pulchri cogitandi*), неиспользованных впоследствии ходов мысли

Заслуга А.Баумгартена заключается в том, что он отстоял в эпоху господства рационализма автономность и значимость чувственного (эстетического) познания, способного давать при достижении совершенства - красоту (аналог истины рациональной). Но, как выяснилось в дальнейшем, познание не обязательно должно неукоснительно развиваться по предначертанному классической философией маршруту, по которому следовал и Баумгартен: как движение от чувственного «темного» познания - к «ясному», но «смутному» (чем и является эстетическое познание), а от него к разумному - «отчетливому». Оказалось, что познавательный процесс может протекать и по-другому: выйти на путь «инонаучного» знания, находящегося за пределами досягаемости науки, ибо в мире есть много такого, что не резюмируется в понятиях. С помощью понятий достигается открытие закономерностей, но при этом упускаются единственность и субъективность. Осознание этих моментов привело к «лингвистическому» повороту в философии, за ним последовал «медиаологический», затем «перформативный», а теперь предлагается «топологический» разворот, в котором разработка понятий дорефлексивной интуиции, допредикативного знания продолжена до открытия телесного чувствования, чувствования телом.[1]

Можно согласиться с Р.Шустерманом, что в эстетике Баумгартена заложены основы более широкой трактовки чувственного познания, нежели учение только о красоте. Предстоит еще выяснить, «почему рамки пост-баумгартеновской эстетики были сведены от широкого поля чувственного познания к узким границам изучения прекрасного и изящного искусства, <...> почему первоначальный прагматический многообещающий аспект эстетики, (то есть баумгартенова дефиниция последней как восприятия и действия) тоже исчез». В результате «Эстетика, как и сама философия, сократилась от первоначальной идеи благородного искусства жизни до состояния второстепенной специализированной университетской дисциплины» [2, с.384-385] Предложение Шустермана заключается в том, чтобы расширяя баумгартеновский план построения эстетики, распространить его на изучение телесных практик, что позволило бы сблизить эстетику с антропологией и другими философскими дисциплинами, включившими тело в предмет своих исследований. В конечном счете, это вернет искусство к своему изначальному призванию - быть искусством жизни.

Тело находится в пространстве, точнее - в определенном месте пространства, следовательно, оно обладает топологией. Телесное чувствование полисенсорно, синестетично и кинестетично, а телесное выражение (жест) – мультимедийно, таким образом, здесь представлен эстезис (чувствование) в его полном развитии. Эстетическое познание совершает прорыв не только в науки о духе, но и туда, куда дух (разум) не может проникнуть. Сфера символов бессознательного неподконтрольна разуму; телесные состояния – смех, плач, боль, радость, гнев, восторг и всё то, что традиционно относится к области «темного», «смутного», «неоднозначного», «неявного» в действиях и текстах – не познаются рационально.[3] Они схватываются интуицией и выражаются имагинативно в художественном творчестве. В выражении проявляются не

только эмпирические психологические чувства и переживания, но также экзистенциальные - забота, тревога, тошнота, ответственность, метафизический страх (Angst). Такие не рационализируемые, не калькулируемые состояния и чувства можно назвать вечными, а родина их - архаика. И в архаические времена и в современности единственным стабилизирующим началом в сферах аффективных состояний - экстазов, эйфорий, хюбриса, катарсиса служит «имагинативный разум».[4, с.115-120]

Внимание к архаическим пластам сознания открывает такие стороны человеческого опыта, которые недоступны оптикоцентрическому подходу, связанному с логоцентризмом. В европейской культуре, начиная с античности, познание понималось логоцентрично и оптикоцентрично – как визуальное отношение к миру, что не могло не повлиять на эстетику. В итоге она была ограничена сферой чувств, вызываемых воздействием на зрение и слух (да и то не в полной мере). То, что человеческий опыт обладает психологической полимодальностью, имеет много измерений, энергетических полей, массу эмоциональных проявлений, было упущено. Теперь на долю эстетики выпадает задача проникнуть в телесную сенситивность, прислушаться к её состояниям и заново открыть то, что скрылось от европейского человека, когда с помощью науки произошло «расколдовывание мира». [5]

Литература

1. Савчук В.В. Топологическая рефлексия. М.: Канон+ 2012 – 416с.
2. Шустерман Р. Прагматическая эстетика: живая красота, переосмысление искусства М. Канон+ -2012 - 408с.
3. Кребель И.А. Мифопоэтика Серебряного века: опыт топологической рефлексии. СПб.: 2010 – 438с.
4. Голосовкер Я.Э. Имагинативный абсолют. // Голосовкер Я.Э. Логика мифа. М.: Наука 1987 – 219с.
5. Вебер М. Избранные произведения М., Прогресс, 1990 -809с.

Сидорова Д. А.,
аспирантка 2-го года обучения
Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт философии

Знаковое и символическое в гостеприимстве

Мы любим ходить в гости сами и принимать гостей дома. Даже сейчас, когда человеку проще собрать конференцию внутри всемирной компьютерной сети, равно как и проще там же общаться с людьми, поход в гости не утрачивает своей значимости, более того, он даже получает новую актуальность, поскольку выражает высшую степень равнодушия. Это подтверждает, что само гостеприимство, несмотря на те изменения, которым подверглись средства коммуникации, сохраняет свою роль. Важна не только беседа с конкретным человеком; есть какие-то сущностные характеристики самого похода в гости, которые заставляют нас даже сейчас если не соблюдать, то, по крайней мере, знать о существовании определенных многочисленных и

весьма сложных в исполнении обычаев и правил, имеющих место именно в той ситуации, когда отношения между людьми характеризуются как отношения между гостем и хозяином.

Если бы имелся определенный и установленный свод поведенческих рамок и правил, за которые нельзя выходить ни гостю, ни хозяину, то, в принципе, речь бы шла лишь о той или иной степени соответствия человека этим правилам. Однако же мы всегда общаемся с определенным человеком, который уникален и по своей сущности, и по своему положению для нас. То есть все подобного рода правила обязательно будут накладываться на индивидуальность конкретной ситуации. И, тем не менее, они ни в коем случае не являются безликой формой; иначе говоря, эти правила не подвоимы под простые механические функции. «Незванный гость хуже татарина». Эта чудесная поговорка как нельзя лучше отражает основную направленность предлагаемого исследования. Помимо вполне объяснимой и понятной генетической памяти о соответствующем периоде русской истории, в ней отчетливо видится отношение человека к таким именно общим правилам. То есть, проще говоря, гостеприимный хозяин обязан быть гостеприимным по отношению к любому человеку, пришедшему к нему в гости, вне зависимости от своего отношения к нему. И тогда уже на самого хозяина ложится обязанность соблюдать эти правила.

Видится полезным обозначить и попытаться расшифровать позиции каждой из сторон в отношениях «хозяин-гость»; попытаться систематизировать эти позиции; дать обоснование и объяснение символическим связям, существующим в соответствующем пространстве.

Напряженность, присутствующая в любом обществе, во взаимоотношениях любых людей, связана с наполненностью этих взаимоотношений знаками. Человек не в состоянии обходиться без символов и знаков, которые, в свою очередь, лишь тени реальных вещей и явлений. Именно эта завеса ложными и многозначными символами означает для него высшую степень неизвестности, которая ведет к постоянному напряжению. Человек является конгломератом символов, которые совершенно необязательно будут истолковываться верно. Заданность действий, актов и жестов полностью скрывает мотивы как одной, так и другой стороны, что не способствует снижению напряжения. Между гостем и хозяином могут быть в обычной жизни какие угодно замечательные отношения, но именно обусловленность друг другом порождает это недоверие и подчиненность.

Отношения «хозяин-гость», пожалуй, относятся к наиболее знаковым и символическим. Такая символизация, тем не менее, ни в коем случае, не ведет к путанице. Система взаимодействия гостя и хозяина прописана ясно и подробно, каждый, вне зависимости от мотивов, и не опираясь на словесное выражение этих мотивов, стремится сохранить свое место определенными поступками и символами.

Одной из основных практик конкретно гостеприимства является добровольное и осознаваемое взаимопроникновение людей в личное пространство другого. Человек рьяно и заботливо хранит свой очаг, свою душу

от посторонних взглядов. Безопасность здесь – вполне осязаемая, реальная. Быть гостем — статус весьма почетный с этой точки зрения, так как человек, допустивший другого до своего личного пространства, прекрасно осознает все риски, связанные с вторжением, соответственно, необходимо обладать известной долей смелости, чтобы пытаться претендовать на другого человека и его пространство

Хозяин вынужден считаться с существованием гостя и совершать определенные действия, гость всегда есть на территории самого хозяина и нигде больше. По сути дела исключительно это жесткое взаимное существование и обеспечивает нам ту статусную иерархию и тот комплекс наименований, действий, символов, который выражается лишь только внешней связью между людьми.

Конечно, символическое выражение всех ритуалов гостеприимства, не единственно возможный путь рассмотрения их отношений. Нужно также попытаться определить сам язык соответствующего дискурса. И сразу же мы сталкиваемся с определенными трудностями. Язык, выступающий обыкновенно в качестве означающей структуры и единственно возможной позитивной формой коммуникации между людьми, теряет эти функции. Язык играет с нами жестокую шутку: будучи предназначенным для взаимодействия людей, он, при возникновении диалога сразу же превращается в знаки, в пустые формы. А языковые знаки — это самая обманчивая и туманная структура, ибо, во-первых, их трактовка может быть сколь угодно множественной, а во-вторых, они, даже будучи истолкованы верно, не отсылают к истинному положению вещей, они лишь ловко подменяют чувственные предметы и понятия.

Язык гостеприимства не приспособлен для выражения точных и истинных эмоций и мыслей. Другой человек вообще не рассматривается как адекватный приемник наших мыслей по поводу его собственного состояния и нашего же восприятия этих отношений.

Неверное восприятие знаков и символов (вербальных и невербальных), присущих тому или иному этапу наших отношений, только усугубляет ситуацию, потому что лишь немногие языковые знаки могут дать истинную картину, причем они произвольны. Здесь также нужно подчеркнуть отсутствие индивидуальности и тотальное недоверие с обеих сторон. Первая проблема здесь сводится к утрированной ритуализации и предметизации отношений. Именно отсутствие языка, долженствующего выразить отношения между людьми, порождает такую утрированность. Знак, который не может быть выражен в слове, получает здесь выражение в символах: действиях и расположении предметов ритуала. Важной характеристикой таких символов является то, что гости сами прекрасно знают о них, они поддерживают их исполнение и блюдут их наличие. Гость на светском банкете, очень удивится, если он придет, а хозяин не окажет ему того внимания, на которое он по статусу рассчитывает (причем статус здесь играет едва ли не последнюю роль, ведь речь идет именно о выполнении ритуала).

Хозяин в свою очередь ожидает от гостя своеобразного «гостевого поведения», стандартного и максимально упрощенного, также лежащего

внутри рамок четко обозначенных действий и слов. Гость, как и хозяин, должен быть утрированно тактичным.

Вторая глобальная проблема языкового выражения дискурса в гостеприимстве — недоверие. Причем обе стороны тщательно лелеют и оберегают его. В языке подобные явления не обозначаются, причем вовсе не потому, что для этого нет слов. Они есть, но они формальны, соответственно не подпадают под конкретную ситуацию, и некорректны: ни один хозяин не скажет: «Я боюсь, как бы вы не ограбили нас, и поэтому буду ходить за вами следом». Кроме того, хозяин и гость обыкновенно сами не могут выразить свои подозрения. Эти подозрения как раз и составляют, может быть, самую важную черту гостеприимства — проникновение другого, чужого человека в мое личное жизненное пространство. Здесь в принципе речь идет о том, что никакая языковая определенность не дает нам оснований для веры другому человеку.

Еще одна важная проблема, возникающая при анализе языкового поля у соответствующей языковой практики, обозначается следующим образом: в языке хозяина и гостя не может выражаться связь между ними. Такая связь, возникающая в каждом конкретном случае между определенными конкретными людьми с их собственными историями, культурными обычаями и прочими индивидуализирующими атрибутами, не просматривается и не отражается никоим образом в языковой форме. Ее можно определить как нашу собственную мысленную картину, наше восприятие формальных отношений между нами, быть может, даже нашу экзистенцию. Восприятие, в свою очередь, влияет на наполненность этих отношений. В языке, может быть, и достаточно было бы средств для ее выражения, но это требует несоразмерных затрат. Они себя не окупают, потому что, и это главное, эта связь интересна только мне. У противоположной стороны тоже есть свои мысли по поводу этой связки. Но противоположная сторона в данном вопросе меня не интересует. Отсутствие языка здесь — один из важнейших и ключевых моментов, его формальное (обыкновенное и обыденное) присутствие означало бы гибель отношений.

Свойства языка, согласно такому взгляду: неистинность, неадекватность, упрощенность и стандартность. Фразы, которыми пользуется собеседник, воспринимаются исключительно с этой позиции. У нас есть основания, конечно, подозревать язык в неистинности и стандартизованности, поскольку удобства и пользы ради современное общество приходит к максимально экономичному языку. И следствием такого отношения является абсолютное недоверие к языку, которое переносится на другого человека: гостя или хозяина.

Подытоживая, можно выделить две главные проблемы, имеющие место в любом выражении связи между хозяином и гостем в гостеприимстве: во-первых, это проблема описания строгих и формализованных отношений между ними, причем эти отношения предельно наполнены символами; во-вторых, необходимо отметить, что язык, т.е., знаковая система, которой мы будем пользоваться, для такого описания является слишком формальной и пустой. Следовательно, за рамками любого исследования всегда будут оставаться индивидуальные особенности конкретной ситуации.

Список используемой литературы:

- 1) *Батай Ж.* Понятие траты // Проклятая доля. Пер. с фр. П. Хицкого. М.; Гнозис, Логос, 2003. С. 183-205.
- 2) *Бахтин М.М.* К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984-1985. – М., 1986. – С.80-160.
- 3) *Гадамер Г.-Г.* Семантика и герменевтика //Актуальность прекрасного. М., Искусство, 1991 — С. 64
- 4) *Делез Ж.* Марсель Пруст и знаки. Статьи. Пер.с фр., редакция и предисловие Соколова Е.Г. СПб. Алетейя, 1991. С. 40.

Федотова М.Г.

к.филос.н.

Доцент кафедры философии и социальных коммуникаций ОмГТУ

О НЕКОТОРЫХ СУЩЕСТВЕННЫХ ЧЕРТАХ ПРОЕКТА ПОСТТРАНЗИТИВНОГО ОБЩЕСТВА

Современное общество в целом ряде исследований оценивается как транзитивное, т.е. переживающее кардинальные трансформации в соответствии с определенным сконструированным социальными группами проектом, сознательно внедряемом в социальную практику. Этот проект представляет собой и вектор движения, и конечную цель транзита. В этом смысле можно говорить о проекте демократизации восточнославянских стран и стран бывшего Советского союза, о проектах глобализации, известных под названиями «Вашингтонский консенсус», Пекинский консенсус» и др. Поэтому можно сказать, что «проектность», т.е. наличие нескольких вариантов будущего общественного устройства, поддерживаемых различными социальными группами, является одним из атрибутивных признаков транзитивного общества. В связи с этим возникает вопрос о среде существования этих проектов, способах и формах их воздействия на общество.

Очевидно, средой существования представлений о том, каким должно быть новое общество, в наиболее общем смысле является социальная реальность - объективированные в процессе intersubjectного взаимодействия и ставшие «реальными», т.е. независимыми от сознания отдельного индивида, социальные нормы и представления.

Существование «проекта» нового общества как одного из таких представлений, фактов социальной реальности транзитивного общества детерминирует некоторые существенные черты этого проекта. Прежде всего, особенности проекта нового устойчивого (посттранзитивного) общества связаны с тем, что социальная реальность – реальность идеализированная, т.е. её объекты являются продуктом деятельности сознания, для которых фиксация на материальном носителе является вторичной. Например, игра актеров в театральной пьесе может быть зафиксирована на видео, а представления маргинальных социальных групп о том, что должно представлять собой новое устойчивое общество, вряд ли могут быть опубликованы в официальных СМИ,

оставаясь лишь мнением одной из социальных групп в пространстве социальной коммуникации.

Поскольку объективация социальных представлений осуществляется в массовом сознании, а принятие проекта нового устойчивого общества определяется, в частности, массовостью его распространения и включением в повседневную реальность, то и проект приобретает некоторые черты, свойственные этой форме сознания. Так, представления о новом обществе в социальной реальности основаны в большей степени на вере (наивных социальных представлениях), чем на рациональных рассуждениях. А. Шюц отмечает: «социальная реальность содержит в себе элементы веры и убеждения, которые реальны, поскольку так их определяют участники <...>. Для жителей Салема в XVII столетии колдовство было не обманом, а элементом их социальной реальности»[1, с.89]. Кроме того, проект нового устойчивого общества является внутренне противоречивым образованием, содержащим как элементы научных теорий, так и обыденные представления об обществе, в котором хотелось бы жить.

В силу различного социального статуса, социальных потребностей, обладания различным объемом знания, социальные группы имеют различное представление о том, что является реальностью. Соответственно, в транзитивном обществе с необходимостью сосуществует несколько проектов нового устойчивого общества. Причем в динамике этого общества проекты не просто сосуществуют, между ними идет борьба за приоритет представлений данной социальной группы о характере и смысле перемен.

Еще одной особенностью проекта нового общества является представление о нем в общественном сознании как о моделируемом, существующем в сознании группы, но не существующем в реальной действительности. Можно сказать, что этот проект существует как потенциальный. Однако это вовсе не означает, что он не имеет ничего общего с действительностью, поскольку новая реальность моделируется на основе актуальной, в полной мере существующей для данной общественной группы, социальной реальности, зачастую даже институционализированной. Например, проект общества с всеобщим избирательным правом может возникнуть в результате конфликта ценности права голоса, разделяемой данной социальной группой, и наличной социальной реальности, в которой определенная часть граждан права голоса законодательно лишена. Таким образом, проект нового устойчивого общества можно назвать моделируемым или конструируемым проектом.

Существенной чертой проекта нового устойчивого общества является его динамический характер в социальной системе. Динамика проекта нового общества строится на основе обобщения, выбора и объективации индивидуальных и групповых представлений о новом обществе и в результате серии коммуникативных актов оказывается несводимой к индивидуальным и групповым проектам. Проект нового устойчивого общества трансформируется, проходя ряд динамических стадий от конфликта с наличной социальной

реальностью к его разрешению и переходу общества к состоянию динамической стабилизации.

Способом существования проекта нового устойчивого общества является коммуникация. Все вышеперечисленные свойства этого проекта могут существовать лишь в режиме коммуникации, понимаемой не просто как передача информации, а как социальное действие, взаимодействие между социальными субъектами по поводу передаваемой информации. Коммуникационная деятельность конструирует социальную реальность. Коммуникация как внутри социальных групп, так и между группами способна обеспечить возникновение и трансформацию представлений о новом обществе, выбор единого проекта, удовлетворяющего интересам субъектов коммуникации.

Коммуникация является социальным действием. «Деятельность индивидов, имеющих субъективные значения» [2, с.35], создает социальную реальность, также существующую в пространстве коммуникации, «в постоянно возобновляющемся единстве процессов воплощения смысловых систем в материализованных формах и раскрытия, обнаружения этих смыслов» [3, с.82]. В продуктах социальной реальности опредмечивается идеальное, представления о потенциальной реальности обретают актуальный для социальных групп смысл, получают новые наименования или новые истолкования.

Итак, проект нового устойчивого (посттранзитивного) общества существует в социальной реальности, что предопределяет следующие его черты: идеализация реальности, массовость распространения, наличие одновременно нескольких проектов, потенциальность существования, динамический характер в социальной системе. Способом существования проекта нового устойчивого общества является коммуникация.

Литература

1. Шюц, А. Формирование понятия и теории в общественных науках / А. Шюц // Американская социологическая мысль. Р. Мертон, Дж. Мид, Т. Паронс. А. Шюц. – М.: Международный Университет Бизнеса и Управления, 1996. – с. 526-541.
2. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Academia-Центр» «МЕДИУМ», 1995. – 302 с.
3. Мартишина, Н.И. Реальность и ее конструирование / Н.И. Мартишина, Сибирский гос. ун-т путей сообщения. – Новосибирск: СибГУПС, 2009. – 184 с. Мартишина, Н.И. Реальность и ее конструирование / Н.И. Мартишина, Сибирский гос. ун-т путей сообщения. – Новосибирск: СибГУПС, 2009. – 184 с.